

вандалское королевство быстро уступило бы мѣсто берберской дикости (sauvagerie). Императоры замедлили на два вѣка катастрофу, которая уничтожила послѣдніе слѣды римской культуры. Въ теченіе двухъ вѣковъ Византія продолжала и нѣкоторымъ образомъ подвинула впередъ дѣло Рима; и этого одного было бы достаточно для того, чтобы она заслуживала нѣкотораго уваженія. Вошло въ привычку преувеличивать большія услуги, оказанныя Римомъ Африкѣ; но въ нѣкоторомъ отношеніи нужно воздать должное и византіяцамъ, которые хвалились тѣмъ, что они еще римляне; включивъ Африку въ среду имперіи, они возобновили традицію, прерванную вандалскимъ завоеваніемъ, и были не только по имени, но на самомъ дѣлѣ наслѣдниками и продолжителями Цезарей (Conclusion, p. 593—595).

Въ концѣ книги Диля находится appendice, гдѣ приводится списокъ всѣхъ извѣстныхъ африканскихъ префектовъ преторія, *magistri militum* и экзарховъ (с. 596—600), довольно большія *additions et corrections* (p. 601—614) и нѣсколько хорошо составленныхъ указателей.

Интересъ и новизна содержанія, громадная эрудиція автора, прекрасное знакомство его со всевозможными источниками и умѣнье ими пользоваться,—все это позволяетъ признать трудъ Диля за выдающееся явленіе въ исторической наукѣ. Если въ чемъ можно упрекнуть автора, то это въ его чрезмѣрной довѣрчивости показаніямъ арабскихъ хроникъ относительно процвѣтанія Африки въ византійское время, что уже и отмѣчено въ небольшой, но благопріятной рецензіи, появившейся въ *Revue Historique* 1897 г. (Mars—Avril, p. 325—328). См. также рецензію Millet въ той же *Revue Historique* Mai—Juin 1897, p. 140—144). Въ послѣднее время въ *Byzantinische Zeitschrift* (B. VII, 1898, H. 1, S. 181—188) появилась хвалебная рецензія Гельпера.

А. Васильевъ.

Г. Халатьянцъ. *Армянскій эпосъ въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. Опытъ критики источниковъ.* Часть I. Изслѣдованіе. Часть II. Матеріалы, Москва 1896, стр. X + 347 + 80 + Синоптическая таблица важнѣйшихъ источниковъ Моисея Хоренскаго. Цѣна 3 р.

Не могъ онъ относиться къ нашему автору (Моисею Хоренскому) съ достаточною трезвостью и должнымъ безпристрастіемъ.

Г. Халатьянцъ, *op. c.*, стр. 288.

По странному недоразумѣнію, наша работа объ Анонимѣ¹⁾ была истолкована въ томъ смыслѣ, что какъ будто мы имѣемъ что-либо принципиально противъ отрицательнаго отношенія къ Моисею Хоренскому, что мы выступаемъ защитниками традиціонныхъ взглядовъ объ его времени и писательскомъ авторитетѣ. На самомъ дѣлѣ не было ничего подоб-

1) Византійскій Временникъ, 1895, I, стр. 264—306.

наго. Мы оспаривали лишь рискованные приемы новѣйшей критики въ обследованіи одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ древне-армянской литературы. Намъ казалось, и при такомъ убѣжденіи остаемся по сейчасъ, что трудно мириться съ обобщеніями, въ основѣ которыхъ лежатъ единичные факты, выхваченные изъ памятника, съ неустановленнымъ критически текстомъ, и вдобавокъ толкуемые отчасти произвольно; что не слѣдуетъ игнорировать компилятивный характеръ труда, авторъ котораго, М. Хоренскій, не можетъ быть привлекаемъ къ отвѣтственности за погрѣшности источниковъ; что, безспорно, отношенія Хоренскаго къ источникамъ должны быть выяснены со всею строгостью современной намъ научной критики, но въ оцѣнкѣ писателя отнюдь не должна быть нарушена историческая перспектива, и судъ надъ Хоренскимъ не можетъ быть произведенъ иначе, какъ съ точки зрѣнія господствовавшихъ въ его время научныхъ и литературныхъ приемовъ; что, наконецъ, нельзя *Исторію* Хоренскаго обособлять въ нѣчто исключительное и выдвигать изъ V столѣтія, разлучивъ ее съ другими памятниками, разъ послѣдніе являются произведеніями того же V вѣка лишь на основаніи той традиціи, легендарности и совершенную беспочвенность которой въ вопросѣ о Хоренскомъ признають стоящею внѣ всякаго сомнѣнія. Если нарушенія подобныхъ, какъ намъ кажется, основныхъ требованій здоровой критики вызывали съ нашей стороны оговорки, то это еще не значитъ, что мы не хотѣли признать справедливости мыслей, для скорѣйшаго торжества которыхъ допускались эти, по нашему мнѣнію, безцѣльные и даже вредныя нарушенія.

На нашъ ¹⁾ взглядъ, въ древне-армянской литературѣ, какъ извѣстно, исключительно духовно-схоластической, замѣтны три направленія, представляющія три слѣдовавшія другъ за другомъ эпохи: миссіонерскую при полномъ господствѣ сирійской образованности, философско-схоластическую съ преобладаніемъ греческаго вліянія и, наконецъ, національную по возникновеніи мѣстныхъ по духу школъ и традицій.

Понятное дѣло, *Исторія* Хоренскаго, съ ярко очерченной фizioномією патріота-автора, никакъ не можетъ быть отнесена ни къ сирійской — миссіонерской эпохѣ, ни къ моменту перваго увлеченія греческою схоластическою наукою. Если послѣдній моментъ, какъ вѣроятно, совпадаетъ съ VI—VII вѣкомъ, то дошедшая до насъ *Исторія* Хоренскаго по нашему могла явиться въ ея окончательной формѣ не ранѣе VII вѣка, но возможно и позднѣе.

Въ этомъ смыслѣ можно вполне сочувствовать всѣмъ изслѣдованіямъ, устанавливающимъ болѣе позднее, чѣмъ было принято, происхожденіе

1) Взглядъ этотъ вскользь высказывался и раньше (Мерх, Сопубеаге), хотя не съ тою опредѣленностью, съ какою мы это себѣ представляемъ. На сколько же у насъ есть основанія, чтобы высказываться съ указываемою нами опредѣленностью, объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

дошедшей до насъ редакціи *Исторіи* Хоренскаго, слѣдовательно, почувствовать и работѣ г. Халатьянца.

Предложенное опредѣленіе направленій въ древне-армянской литературѣ можетъ быть невѣрнымъ; но изслѣдователю, но нашему мнѣнію, предварительно слѣдуетъ дать представленіе о характерѣ главнѣйшихъ литературныхъ теченій у армянъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, и лишь въ связи съ ними устанавливать даты литературныхъ произведеній, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые сильно проникнуты духомъ времени. Всякое иное построеніе намъ кажется зданіемъ, возведеннымъ на шаткой почвѣ, въ лучшемъ случаѣ остроумною комбинаціею, которую можно принять, но можно и не принять. На трудъ г. Халатьянца мы смотримъ какъ на опытъ такого рода комбинаціи. Предварительно нѣсколько замѣчаній чисто формальнаго свойства.

Въ фактической части труда, наиболѣе цѣнной, г. Х-цъ часто зависитъ отъ работъ предшественниковъ, что онъ и указываетъ постоянно. Но указанія эти могли бы быть болѣе точными. Такая точность нужна не только во избѣжаніе нареканій, но и въ видахъ простой отчетливости. На стр. 55 г. Халатьянецъ пишетъ:

«Къ Сивиллѣ слѣдуетъ прибавить и *Епифанія Кипрскаго* (IV в.), на «котораго ссылается Хоренскій въ той же главѣ (I, 6), и армянскимъ «переводомъ котораго онъ, быть можетъ, пользовался. Я говорю армянскимъ переводомъ, ибо» и т. д.

Но объ этомъ говорилось уже въ цитуемомъ г. Х-цемъ трудѣ о. І. Дашяна, стр. 89—90, гдѣ, опровергая о. Г. Зарбаналяна, о. Іаковъ уже указываетъ на сообщаемый г. Х-цемъ фактъ и заключаетъ словами: «Не подлежитъ спору, что Хоренскій видѣлъ *Книгу обличеній* «и, быть можетъ, въ армянскомъ переводѣ» ¹⁾.

На стр. 55, говоря о знакомствѣ Хоренскаго съ Епифаніемъ, свидѣтельствуемаго армянскимъ переводомъ «Каноновъ» этого писателя, г. Халатьянецъ цитуетъ *Catalogue etc.* о. Г. Зарбаналяна, стр. 499. На этой страницѣ въ *Каталогѣ* нѣтъ ни слова, имѣющаго интересъ для отношенія Хоренскаго къ *Канонамъ* Епифанія ²⁾.

Дѣло въ томъ, что цитата эта взята г. Х-цемъ изъ Міабана, *Armeniasa*, стр. 5, гдѣ она имѣетъ значеніе, а между тѣмъ эта цитата у г. Х-ца стоитъ на первомъ мѣстѣ, а къ своему непосредственному источнику онъ направляетъ словомъ «сравни».

На стр. 146, г. Халатьянецъ, указывая на то, что другіе также сближали описаніе Хоренскимъ построекъ Семирамиды съ Діодоровскимъ, перечисляетъ въ примѣчаніи ученыхъ, но опускаетъ St. Martin'a:

1) Յնդիր չկայ ուրեմի որ խորենացի տեսած է Հերձուածոց գիրքը, եւ Թերեւս Հայերէն Թարգմանութեամբ, I. Дашянъ, I. с.

2) Въ каталогѣ читаемъ: Գանն տեսնն Եպիփանու, «Եպիփանուս կամ երէց կամ արհաւագ որ տանտիկին ունիցի ի տան ըստ Հեթանոսական սովորութեանց՝ լուծցին յիւրաքանչիւր յատկեանէ».

онъ еще въ 1828 году, въ *Journal Asiatique*, вмѣстѣ съ Діодоромъ указываетъ и на Масуди [† 345 г. Гиджры], въ повѣствованіи котораго главные походы Семирамиды приурочены къ центру Арменіи [*Maçoudi, Les prairies d'or*, Paris 1863, II, стр. 94], какъ и у Хоренскаго. Кстати, не безынтересно замѣтить, что тамъ же Масуди на первомъ планѣ упоминаетъ о борьбѣ армянъ и ассирійцевъ съ переменнымъ счастьемъ, причемъ послѣдніе двадцать государей Ниневіи выставляются данниками армянскихъ царей (ор. с., стр. 95).

На стр. 223 г. X-цъ пользуется *Задачникомъ* Ананіи Ширакскаго по рукописи Вѣнскихъ Мхитаристовъ и дѣлаетъ изъ него выписку *Էս Ի Մարմէտ էի* и т. д.; для обстоятельности слѣдовало бы упомянуть, что существенная часть этой выписки уже напечатана у о. Алишана въ 1890 г. *Այրարատ*, стр. 60, прим. 2: «*Էս Ի Մարմէտ էի, յոտանի Կամարականաց և երթեալ յեղր գետոյն, որով Ախուրեան կոչեն, տեսի երա՛ճ ձկանց*».

На стр. 228 г. X-цъ говоритъ, что *Ճարար* слово персидское и ссылается на *Словарь* Вуллера, но искать ли у Вуллера подъ *ج* или подъ *ع*: соотвѣтствіемъ армянскаго *Ճ* можетъ быть въ перс. и *ج* и *ع*.

Было бы болѣе цѣлесообразно, если бы вм. Вуллера г. X-цъ сослался на *Матеріалы для армянскаго словаря* К. Патканова (Вып. II, стр. 2), гдѣ оговорено все то, что г. X-цъ говоритъ, болѣе ясно ¹⁾.

На стр. 285 г. X-цъ даетъ вѣрный переводъ фразы *Օջո արար Մաժան քէն պահելով լաւն Սճատայ* (II, 55) *Такъ поступилъ Ма-жанъ въ отмщеніе за Смбата*, при чемъ въ примѣчаніи онъ указываетъ на то, что переводчики не понимали этого мѣста, и даетъ образчики невѣрныхъ переводовъ, но ничего не говоритъ о тѣхъ, которые перевели это такъ же, какъ г. X-цъ: такъ перевелъ Tomaséo (1850, стр. 200: *Magiano così fece per vendetta di Sempad*), причемъ въ особомъ примѣчаніи итальянскій переводчикъ даетъ такое же по существу объясненіе, какъ г. X-цъ. Такъ перевелъ то же мѣсто и Хорэнъ Степанъ въ своемъ трудѣ (С.-Пб., 1889, стр. 168), подробно разобранномъ (Араксъ, 1890, I, стр. 113—151) г. X-цемъ: *Օյո արեց Մաժանը, քէն պահելով Սճատի պատճառով, որովհետեւ իրան ևս նա էր մեծացրել*.

На стр. 291 г. X-цъ пишетъ:

«Одинъ изъ изслѣдователей, на основаніи очень поздней и плохой «рукописи, предлагалъ даже читать вм. *կուլդ ոմն* — *կատար ոմն*, *կատար ոմն*, *կատար*, въ значеніи «верховный» или «совершенный». На самомъ дѣлѣ тутъ нѣтъ ни персидскаго слова, ни какого либо искаженія. *Կուլդ* — слово армянское и значить «плѣшивый».

1) Теперь впрочемъ лучше обращаться къ Hübschmann'y, *Armenische Grammatik*, I, 1895, стр. 186—187, 367.

Цитуемый г. Х — цемъ одинъ изъ изслѣдователей — это Міабанъ; однако онъ не только не оспариваетъ, но первый указалъ (*Խորենացու պատմութեան և խորենացի Թիւն*, I, стр. 5—6), что употребленное въ данномъ мѣстѣ слово *Կրկն* значитъ *плыивый* (*բազար ծաղան* и т. п.) и подкрѣплялъ это толкованіе цитатами, какъ и г. Х-цъ изъ *Библии*, да еще указаніемъ на то [Зарбаналянъ, *ՀՀԴ*, стр. 597 = *ՀՀԴ*², стр. 615], что, *Կրկն*’омъ, т. е. *плыивымъ* былъ прозванъ вардапетъ Саргисъ, толкователь *Евангелія* ¹⁾).

Но обратимся къ существу.

Извѣстнымъ довѣріемъ къ такой комбинаціи, какая предлежитъ въ трудѣ г. Халатьянца, можно проникнуться, но лишь тогда, когда ученый филологъ возводитъ ее на критически установленномъ текстѣ и по возможности избѣгаетъ сомнительныхъ или двусмысленныхъ фактовъ и произвольныхъ сужденій.

О качествѣ текста изслѣдуемаго памятника едва-ли могутъ существовать два мнѣнія: *Исторія* Хоренскаго предлежитъ въ значительно искаженномъ и заплатанномъ видѣ. Между тѣмъ изъ труда г. Халатьянца читатель можетъ вынести впечатлѣніе, что въ этомъ отношеніи все обстоитъ благополучно; лишь въ Положеніяхъ, сопровождающихъ *Изслѣдованіе*, мы находимъ сдержанное признаніе автора, что пока мы не имѣемъ «вполнѣ научнаго критическаго изданія». Однако этого мало, такъ какъ отсутствуетъ не только «вполнѣ научное критическое изданіе», но вообще критическое изданіе *Исторіи* Хоренскаго; болѣе того, пока не общеизвѣстны и не обслѣдованы даже матеріалы, которые могли бы быть использованы для критическаго установленія текста. Пока имѣемъ лишь обстоятельное знакомство съ единичными списками *Исторіи* и болѣе или менѣе бѣглыя указанія на общій характеръ десятковъ другихъ списковъ. Въ этихъ же Положеніяхъ г. Халатьянецъ впрочемъ какъ будто считаетъ не существеннымъ для дѣла отсутствіе критическаго изданія, выражаясь его словами «вполнѣ научнаго критическаго изданія». Онъ пишетъ: «вопросъ о состояніи текста «Исторіи Арменіи», несмотря на отсутствіе вполнѣ научнаго критическаго изданія его, не можетъ служить препятствіемъ къ изученію источниковъ армянскаго историка». Эта неосторожная фраза имѣетъ то достоинство, что въ ней откровенно высказывается, какія условія не только были терпимы, но считались и даже считаются нормальными въ арменовѣдѣніи. Намъ дѣлалось возраженіе, что и въ другихъ областяхъ востоковѣдѣнія отсутствіе критическаго текста не смущаетъ ученыхъ оріенталистовъ и не мѣшаетъ имъ обсуждать основанные на такомъ текстѣ вопросы и оцѣнивать сами памятники. Но если бы это и было такъ, то въ такихъ случаяхъ ничего хорошаго и примѣрнаго мы не видѣли бы, и мириться съ ними, какъ съ нормаль-

1) Что г. Х-цъ для пониманія текста находитъ замѣчанія Міабана не подходящими, это совсѣмъ другой вопросъ. И толкованіе г. Х-ца насъ не удовлетворяетъ.

ными явлениями, едва ли имѣлось бы основаніе. Поучительнѣе то, что и въ востокѣдѣніи — тамъ, гдѣ серьезно подвергалась сомнѣнію подлинность произведенія и принадлежность его тому или иному вѣку, напр. въ исторіи библейскихъ книгъ, — критика текстовъ составляла и продолжаетъ составлять основу и первое условіе всякой научной работы.

Если ученые спокойно относятся ко всякимъ изслѣдованіямъ вѣнца персидскихъ эпическихъ поэмъ — *Книги царей*, хотя текстъ памятника далеко не можетъ считаться установленнымъ, то рано или поздно этотъ основной пробѣлъ существенно долженъ быть восполненъ, пока же такое положеніе лишь терпится, и терпится тѣмъ легче, что никто не возбуждалъ еще сомнѣнія въ дѣйствительномъ существованіи поэта Фирдусія и въ подлинности его произведенія и никто не доказывалъ, что эпосъ относится не къ X—XI вѣкамъ, а къ XVI-му столѣтію ¹⁾.

Наиболѣе древнимъ авторомъ, подтверждающимъ подлинность дошедшаго до насъ текста *Исторіи* Хоренскаго, г. X—цѣ, конечно, признаетъ католикоса Іоанна, писателя IX—X вѣка. Но развѣ Іоаннъ буквально и цѣликомъ воспроизводитъ текстъ Хоренскаго? Конечно, нѣтъ. Г. X—цѣ можетъ сказать, что Іоаннъ подтверждаетъ вульгатный текстъ Хоренскаго въ общемъ: это совсѣмъ другое дѣло. Но и то не совсѣмъ вѣрно. Не говоря о томъ, что Іоаннъ католикосъ даетъ лишь краткій конспектъ произведенія нашего историка, онъ иногда расходится съ чтеніемъ вульгатнаго некритическаго текста Хоренскаго; такъ напр. у Хоренскаго читаемъ (I, 12): «Армаисъ строить себѣ жилище на одномъ холмѣ у берега рѣки и называетъ его своимъ именемъ Армавиромъ, а рѣку называетъ Ерасхомъ по имени своего внука Араста». Іоаннъ же намъ говоритъ (Моск. изд., стр. 12): «Армаисъ на равнинѣ обстраиваетъ одинъ холмъ на берегу рѣки Ерасха какъ городъ и какъ мѣсто для своего пребыванія, возводя чудныя постройки изъ камней *erastou*» ²⁾ и т. д. Такимъ образомъ въ текстѣ Іоанна исчезаетъ внукъ Арастъ и появляются «камни-ерасты», о чемъ рѣчи нѣтъ у Хоренскаго.

Хорошо то подтвержденіе, которое находитъ текстъ Хоренскаго у католикоса Іоанна и въ другихъ случаяхъ, напр. въ замѣткѣ о такъ называемыхъ болгаряхъ (II, 9). Въ *Исторіи* Хоренскаго читаемъ, что во дни Аршака «въ поясѣ великой горы Кавказа, въ странѣ Булгарской, было великое смятеніе, и многіе изъ нихъ [значить — булгаръ] выселились, пришли въ нашу страну и поселились подъ Колою, въ плодоносной и бога-

1) Въ самой персидской литературѣ мы имѣемъ теперь яркій образчикъ того, до какихъ поразительныхъ парадоксовъ можно договариваться, когда въ основаніи сужденія лежитъ не критическій текстъ, какъ это, оказывается, случилось съ изслѣдователями Омара Хайяма (см. В. Жуковский въ Сборникѣ *المظفرية*, С.-Пб. 1897, стр. 325—326 и сл.).

2) Оставляемъ это слово *erastou*, названіе особаго рода камней, безъ перевода; по К. П. Патканову, *Матер. для арм. словаря*, I, стр. 15, это персидское *رست* твердый, крѣпкій. Слово это встрѣчается у Агаангела, Филона и др., см. *Слов. Мхх.*

той хлѣбомъ мѣстности», а Іоаннъ (стр. 18) говоритъ, что во дни Аршака «нѣкоторые изъ евреевъ¹⁾, жившихъ въ Булкахъ, что въ ущельяхъ Кавказа, пришли поселиться подъ Колою».

Кто-же подтверждаетъ подлинность вульгатнаго текста Хоренскаго? Θома Арцруни? Но онъ, по мнѣнію г. Халатьянца (стр. 151), обыкновенно не только повторяетъ Хоренскаго, но «и передѣлываетъ его, не безъ собственныхъ фантастическихъ прибавленій». Асогика? Но у Асогика, какъ заявляетъ г. Халатьянецъ (стр. 26), нѣтъ совершенно помину о первой книгѣ Хоренскаго, чуть ли не главномъ предметѣ настоящаго изслѣдованія г. Х-ца.

Во фразѣ о родѣ Дзереевъ г. Халатьянецъ вноситъ въ текстъ глоссу *ոչ գիտեմէր աղաղաւ*, означающую «не знаю, почему», хотя, во первыхъ глосса сама себя выдаетъ: «она подозрительна», по признанію самого же г. Халатьянца (стр. 260), и Баумгартнеръ довольно убѣдительно доказалъ, что она внесена вполнѣдствіи. Г. Халатьянецъ, вспомнивъ на предпоследней 346 страницѣ про Баумгартнера, въ отвѣтъ на единственно пока возможные доводы говорить, что доводъ Баумгартнера — отсутствіе этого выраженія въ большинствѣ рукописей Хоренскаго и у католикоса Іоанна — «не представляется ему убѣдительнымъ». О, если бы у насъ въ арменовѣдѣніи приводились по крайней мѣрѣ всегда такіе убѣдительные доводы!

Дѣло однако не въ этой безспорной глоссѣ. На стр. 260 фразу *եւ զգեցուցանողս իւր զԶեռէս ի զաւակաց քանանացոց անուն կոչէ ազգին Գեթուներս* г. Халатьянецъ переводитъ «надѣвающихъ перчатки изъ потомковъ Хананеянъ (онъ) назвалъ Гнѣтуні»²⁾.

Съ одной стороны г. Халатьянецъ такъ педантиченъ въ переводѣ, что даже мѣстоименіе «онъ» ставитъ въ скобки, а съ другой стороны даетъ произвольный переводъ изъ двухъ фразъ, во первыхъ *եւ զգեցուցանողս իւր զԶեռէս ի զաւակաց քանանացոց* и, во-вторыхъ, *անուն կոչէ ազգին Գեթուներս* онъ образуетъ одну невозможную фразу: для этого г. Х-цъ пропускаетъ слово *ազգին* и допускаетъ невозможный оборотъ *անուն կոչէ զոր* вм. *անուն կոչէ ումեք*, т. е. *անուն կոչէ զգեցուցանողս* вм. *անուն կոչէ զգեցուցանողաց*.

Этого мало. Изслѣдователь не обращаетъ никакого вниманія на контекстъ, на то, что съ первою фразою связаны нѣсколько параллельныхъ фразъ, и прежде всего *և Թիկնապահս իւր զինու հանդերձ ի զաւակաց Խոռայ հայկազնոյ*, и что у этихъ фразъ общее сказуемое *կարգէ նշանակ*.

1) Объ евреяхъ близъ Кавказа говоритъ историкъ Θεοφάνης въ *Χρονογραφίῃ* (см. Viv. de St.-Martin, II, стр. 14), и это свѣдѣніе повторяется и въ лат. переводѣ Анастасія: *Usque ad Phanagoriam seu Hebraeos qui ibidem sunt etc. (ib.)*.

2) Что другіе переводчики, въ томъ числѣ особенно Н. Эминъ, цитуемое мѣсто понимаютъ такъ же, это сущности дѣла не касается.

Эта параллель въ переводѣ гласитъ — «Ваѳаршакъ (назначаетъ) себѣ вооруженныхъ тѣлохранителей изъ потомства hАйкида Хора». Еще другія параллели спорной фразы въ переводѣ гласятъ: «Надъ царскими охотами назначаетъ (Ваѳаршакъ) Дата изъ потомства Гарника» или «Надъ табунами (назначаетъ) нѣкоего Габала» и т. п. По шаблону этихъ параллелей и построена первая спорная фраза, дословно означающая: «одѣвателями (при) себѣ (Ваѳаршакъ назначаетъ) Дзереевъ изъ потомства Хананеевъ».

Զեռէք *derēq* въ значеніи *перчатокъ*¹⁾ въ армянскомъ языкѣ не извѣстенъ. Слово **ձեռնէք** *derēq* однако существуетъ: оно встрѣчается въ церковныхъ канонахъ (*Слов. Мхх. = ընծեռնէք, Церковные законы*, ст. 292, рп. Спб. Унив. библ., стр. 139—140, но здѣсь же стр. 10 **ձեռնէք**), и означаетъ «порцію (*ժամ-ժամուկը* см. *Церковные законы*, ст. 630, рп. Спб. Унив. библ., стр. 269), которую священники имѣли обыкновеніе уносить съ поминокъ». Но въ данномъ мѣстѣ слово **Զեռէք** *Derēq*, собственно **Զեռէ** *Derē*, есть названіе княжескаго рода, и первая фраза не можетъ быть истолкована иначе какъ: «одѣвателями (при) себѣ (Ваѳаршакъ назначаетъ) Дзереевъ изъ потомства Хананеевъ»²⁾. Остается вторая фраза: **անունն կոչէ ազգին Քնթունիս**, что въ переводѣ значитъ — «имя даетъ этому роду Гнѣуни».

Вслѣдъ за нѣкоторыми другими г. X-цъ открываетъ (стр. 260—261) связь между названіемъ Гнѣуни и *quanto, gant* и «γάντιον», означающимъ *перчатку*, т. е. г. X-цъ хочетъ сказать, что, по Хоренскому, Гнѣуни получаютъ свое названіе отъ Ваѳаршака потому, что съ одной стороны этимъ князьямъ поручается, по его (X-ца) переводу, должность «надѣвателей перчатокъ», а съ другой — слово Гнѣуни по такъ называемой народной или, вѣрнѣе, схоластической этимологіи можно признать образованнымъ отъ *gant* *перчатки*.

Въ этомъ обстоятельствѣ за «проницательнымъ Ла-Крозомъ» и г. X-цъ признаетъ «новое доказательство болѣе поздняго составленія «Исторіи Арменіи», чѣмъ V вѣкъ» (стр. 261), такъ какъ съ «γάντιον» Хоренскій, по г. X-цу, могъ быть знакомъ³⁾ въ VIII—IX вѣкѣ (стр. 259).

1) Въ древне-армянскомъ въ значеніи перчатокъ употребляется **թաթանի** (*ṭaṭan*, **թաթ** XIV в.) въ *Слов. Мхх.*, а **ձեռնէք** отсутствуетъ.

2) Этимологизація собственныхъ именъ—излюбленный пріемъ у нашего историка, и, быть можетъ, «одѣватели» царя названы Дзерееми не безъ «этимологическаго» умысла, но въ такомъ случаѣ мы рѣшаемся утверждать, что, называя фамилію **Զեռէք** *Derēq* (мн. ч. **Զեռէք** *Derēq*), Хоренскій о **ձեռն** *derē* *рука* и тѣмъ болѣе **ձեռնէք** *derēq* вовсе и не думалъ, а имѣлъ въ виду совсѣмъ другое слово, именно **զրէհ** *zēreh* (изъ **zēreh*), перс. زر, اره (Rückert, *Aus Dschāmī's Liebesliedern*, ZDMG, XXV, стр. 594), сир. ܙܪܝ (также перс., см. Lag., *GA*, стр. 44, 112) = груз. ზარადი *zaradi*, которое означаетъ *латы*, слѣдовательно, для воина того времени обычное и существенное *одѣаніе*.

3) Г. Халатьянцъ въ этомъ мѣстѣ даетъ слѣдующую темную аргументацію: «если и не окажется достаточно указаній въ византійской литературѣ о знакомствѣ

Но дѣло въ томъ, что должность «надѣвателей перчатокъ» порождена невѣрнымъ переводомъ, какъ это мы видѣли: въ текстѣ рѣчь о надѣвателяхъ вообще. Независимо отъ этого связь, усматриваемая между «γάντιον» и Գանտեր, не имѣетъ значенія для подлиннаго текста *Исторіи Арменіи*, такъ какъ названіе Գանտер находится въ такой фразѣ, которая и безъ того не терпима въ текстѣ Хоренскаго, и вотъ на какомъ основаніи. Изъ спорной фразы узнаемъ, что Вафаршакъ называетъ интересующій насъ княжескій родъ Гнѣуни, и называетъ такъ потому, какъ г. Халатьянцъ думаетъ, что Хоренскій видѣлъ въ Гнѣуни слово, произведенное отъ «γάντιον». Между тѣмъ въ 19 гл. I кн. читаемъ, что князья Гнѣуни происходили отъ хананейнина Кани́ты или Гани́ты (Քանիդա¹) вм. Քանիդա¹ изданія), и Хоренскій тутъ, очевидно, основываетъ названіе князей Гнѣуни также на народной этимологіи, но образуетъ не отъ слова «γάντιον», никому въ Арменіи неизвѣстнаго и вообще на Востокѣ могшаго²) появиться лишь съ Крестовыхъ походовъ, а отъ родоначальника Гани́ты. Понятное дѣло, что разъ Хоренскій въ своей *Исторіи* Гнѣуни производитъ отъ имени родоначальника Гани́ты, тотъ же Хо-

γάντιον раньше Крестовыхъ походовъ, еще въ VIII—IX вѣкѣ, то объясненіе этому вопросу найдется (?) также у Хоренскаго, который могъ быть знакомъ съ gant и помимо Византіи». Что это значить?! Не объясненіе, а лишь подтвержденіе того, что въ VIII—IX в. армяне были знакомы съ gant, можно бы найти у Хоренскаго, но и то только въ томъ случаѣ, если бы толкованіе спорнаго мѣста, предлагаемое г. Х—цемъ, было обосновано и если бы, съ другой стороны, было окончательно доказано, что Хоренскій — писатель VIII—IX вѣка.

1) Это Кепіта, изъ плем. Хананейскаго, *𐎧𐎠𐎡𐎢 = 𐎧𐎠𐎡𐎢, у Асогика (стр. 33) Գանիդա¹ и въ рукописяхъ редакціи Санахинской также Գանիդա¹.

2) Еще надо доказать, было ли въ греческомъ языкѣ слово γάντιον *перчатка*; г. Х—цъ ссылается на Шредера (*Thes. linguae arm.*, 1711, стр. 24) и особенно на Ла-Кроза (ар. Whiston., *Mosis Chor. Hist.*, 1736, стр. 92, прим. [ср. также *Thesauri epistolici Lacroziani*, 1732, I, стр. 352]), но ни тамъ, ни здѣсь, ни въ *Histoire du christianisme d'Ethiopie et d'Arménie*, 1739, гдѣ Ла-Крозъ касается того же вопроса, не названо греческое слово «γάντιον». Не находимъ его и въ греческихъ словаряхъ (Hesychius, Du-Cange, Sophocles). У Гезихія приводится γάνδιον, весьма близкое искомому слову по созвучію, но въ значеніи *лищика, кивота*, а никакъ не *перчатки*. Наконецъ, надо знать и то, что интересующее насъ слово — германскаго происхожденія (wante=cyrothesa, *Isengrimus* 457 у J. Grimm'a, *Reinhart Fuchs*, стр. 16 и LXVIII, лат. wantus у Беды, см. Littré, *Dict. fr.* подъ gant и особенно Du-Cange, *Gloss. med. et inf. latin.* 1887, подъ wantus), и съ g оно появляется на романской почвѣ; слѣдовательно, если бы даже оказалось въ греческомъ «γάντιον *перчатка*», то появленіе его пришлось бы объяснить вліяніемъ романскихъ народовъ на византійцевъ, вѣроятно же всего въ эпоху Крестовыхъ походовъ, когда и безъ посредства грековъ могло сдѣлаться извѣстнымъ армянамъ въ Киликіи въ связи съ западнымъ рыцарствомъ итал. guanto и франц. gant. Впрочемъ, послѣ предложенной справки о словѣ gant, Хоренскаго, быть можетъ, захотятъ провозгласить киликійскимъ писателемъ начала XII вѣка, особенно если прельстятся точкою зрѣнія проникательнаго La-Croze'a, который единственнымъ рѣшительнымъ доказательствомъ (une preuve positive) древности *Исторіи* Хоренскаго считалъ (*Hist. du christ.*, стр. 336) свидѣтельство о ней Нерсеса Благодатнаго, скончавшагося во второй половинѣ XII вѣка!

ренскій въ той же *Исторіи* тоже самое слово не могъ производить отъ «греческаго слова ὑπότιον», онъ вообще не могъ сказать, что далъ это имя впервые князьямъ Гнѣуни Ваѣаршакъ, разъ они, по мнѣнію же Хоренскаго, назывались такъ по имени своего предка ¹⁾).

О подлинности отдѣльныхъ мѣстъ Хоренскаго долго пришлось бы разсуждать, но достаточно и сказаннаго, чтобы убѣдиться въ неустановленности текста и, слѣдовательно, въ необходимости предварительно окончательнаго приговора выяснить, что единственно должно служить основаніемъ для нашихъ сужденій о Хоренскомъ. Никакія остроумныя комбинаціи, никакія подкупающія гипотезы не устраняютъ неизбежности этой простой, но основной работы, и если изслѣдователи не дѣлали ея своевременно, то этотъ основной пробѣлъ нужно восполнить теперь, нужно во что бы то ни стало заполучить изслѣдователямъ фундаментъ, тѣмъ болѣе, что говоря словами Маккиавелли: «*chi non fa i fondamenti prima, li potrebbe con una gran virtù fare dipoi, ancora che si facciano con disagio dell'architetto e pericolo dell'edificio*».

Разъ такъ плохо установленъ текстъ Хоренскаго и разъ такъ не совершенно современное пониманіе даже этого, критически неустановленнаго, текста, то и на выводы, построенные на нихъ, нельзя вполне полагаться. Едва ли кто будетъ оспаривать, что при такой зыбкой почвѣ изслѣдователю нужно проявить большую осмотрительность въ сужденіяхъ и необычайную разборчивость въ доводахъ, чтобы вообще-то заслужить какое нибудь довѣріе ²⁾).

Но еще два слова о переводѣ. Щепетильная точность перевода намъ нужна не только во имя «искусства для искусства», но и для обстоятельнаго и реальнаго пониманія памятника, такъ напр. на стр. 256 у г. Халатьянца читаемъ фразу: «*право ѣсть золотою ложкою и вилкою (sic) и пить изъ золотыхъ чашъ*» Подтвержденіе *sic* поставлено самимъ г. Х-цомъ за словомъ «вилкою», хотя переводъ въ общемъ вольный. Подлинникъ гласитъ (II, 47):

տարգաւ ռւնել սոկի և պատառաբաղ [право] имѣть золотую ложку и և րւկերիմաւր րմպել նուազաւր. rataḡaḡag и пить изъ золотыхъ чашъ.

За словомъ *rataḡaḡag* въ ново-армянскомъ установилось значеніе «вилки», но въ древне-армянскомъ это слово пока извѣстно лишь изъ

1) Въ *Исторіи* Асог'ика находимъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 33) сплетенными оба преданія, но мы не рѣшимся сказать, что интерполяція съ *Գնթուհի* въ текстъ Хоренскаго относится еще къ X—XI вѣку, разъ и текстъ Асог'ика не установленъ.

2) Лично мы сомнѣваемся въ необходимости поднимать такъ называемые большіе вопросы армянской филологіи, когда разработка нужныхъ для рѣшенія ихъ матеріаловъ и по сей часъ находится въ зачаточномъ состояніи, когда въ отношеніи дѣйствительно научныхъ изслѣдованій наша область представляетъ мерзость запустѣнія. Трезвое поколѣніе арменистовъ — дай Богъ, чтобы оно было ближайшее, — съ правомъ будетъ повторять о каждомъ изъ насъ, «рѣшающемъ» подобные вопросы, слова англійскаго романиста Th. Hardy объ одномъ своемъ героѣ: «*his dreams were as gigantic as his surroundings were small*».

цитованнаго мѣста, и потому рискованно *սկզբն ամբողջ* переводить черезъ *кушати*: можетъ оказаться, что *patapaqag* не означаетъ вовсе принадлежности столоваго прибора, по крайней мѣрѣ тождественнаго по значенію съ нашею вилкою ¹⁾).

На стр. 102 г. X. пишетъ:

«Касательно перваго пункта [т. е. искаженій въ текстѣ Анонима] нужно замѣтить, что, за исключеніемъ, быть можетъ, начальныхъ двухъ «строкъ Вступленія и двухъ трехъ строкъ въ описаніи столпотворенія» (стр. 2), которыя [реценз.: строки?] могутъ быть приняты за неясность изложенія, — все остальное не представляетъ, по моему мнѣнію, никакихъ «особенныхъ искаженій, могущихъ служить серьезнымъ препятствіемъ къ точному пониманію текста».

Мы, конечно, не согласны съ тѣмъ, что текстъ *Исторіи* Анонима внѣ оговоренныхъ г. X-цемъ мѣстъ свободенъ отъ искаженій, и даже «особенныхъ» искаженій, но Анонима мы здѣсь не будемъ по существу касаться, такъ какъ готовимъ особое его изданіе. Мы только укажемъ на то, что въ пониманіи *искаженій* мы расходимся съ г. X-цемъ. Такъ на стр. 56 г. X-цъ даетъ Паткановскій переводъ двухъ, трехъ «строкъ въ описаніи столпотворенія» Анонима:

«Когда отъ великихъ мукъ *столпотворенія*, какъ бы отъ *родовъ*, произошло то, что *разстѣлся* многочисленный народъ въ великой пустынѣ, «въ мѣстахъ недоступныхъ шуму, тогда поднялъ на *товарищѣй* своихъ мечъ свой *Титанъ*, который первый царствовалъ на землѣ»...

«Мѣста недоступныя шуму» это — мѣсто подлинника, недоступное пониманію, такъ какъ здѣсь во фразѣ *որ ի կայս ածլուրս ձայնից* недостаетъ покрайней мѣрѣ трехъ строкъ, а быть можетъ, цѣлыхъ десяти, съ которыми и отсутствуетъ смыслъ фразы. Само слово *կայս* *kaus*, переводимое черезъ «мѣста», есть, по всей вѣроятности, остатокъ совсѣмъ другого

1) На стр. 173 г. Халатянцъ *սուղիւմբարէն* переводитъ выраженіемъ «съ крутыми ѣкрами», но развѣ *սուղի* значить *крутой*? Повидимому, г. Халатянцъ подъ *крутыми* понимаетъ *мощный* (ср. стр. 187: «Гохтенскіе пѣвцы, воспѣвавшіе, по увѣренію нашего историка, ... красоту ногъ и *мощь* *икръ* Тиграна»), но вѣдь *սուղի* слово рѣдко употребительное и темнаго происхожденія, и гадательный его переводъ черезъ *мощный*, *крутой* и т. п. непременно долженъ быть оговариваемъ. На стр. 250 *բերբերական* *Աստիկան* г. Халатянцъ переводитъ «будто страстная любовь царицы Сатеникѣ», но въ текстѣ нѣтъ слова «царицы»: не имѣющій возможность свѣрить цитаты г. Халатянца съ армянскимъ текстомъ можетъ подумать, что и въ самомъ дѣлѣ въ подлинной народной пѣснѣ Сатеника названа *царицею* (къ Сатеникѣ прилагается въ другомъ мѣстѣ титулъ *սկզբն օստոյա*, но и тамъ это слово не можетъ быть передано черезъ *царица*, разъ мы не имѣемъ возможности удостовѣрить, что Сатеника, по представленію народныхъ пѣвцовъ, а не въ толкованіи Хоренскаго, есть царица). Можно бы замѣтить еще относительно неточности нѣкоторыхъ мелочей, но г. X-цъ, если не ошибаемся, самъ признаетъ ихъ, напр. не только неточность принятой имъ транскрипціи, но и невыдержанность ея, такъ армянское *Հ* обыкновенно онъ передаетъ русскимъ *х*, напр. Аждахакъ = *Աճախ* *Հախ*, а иногда совсѣмъ опускаетъ, напр. Тигрануи = *Տիգրանուհի* (стр. 173, строка 4 и 2 снизу).

слова *սկայս* skays, означающаго «великановъ, титановъ», исторія которыхъ и описывается въ отрывкѣ; но оставимъ коньектуры: въ подлинникѣ стоитъ *ի վերայ ան ընկերի* *другъ на друга*, очевидно, рѣчь о «непрерывной» (*անդադար*) междоусобной войнѣ, по всей вѣроятности титанидовъ, воспользовавшись которою и воцарился (*Թագաւորեաց*) Титанъ. Въ переводѣ, предлагаемомъ г. Халатьянцемъ, междоусобица (*ի վերայ ան ընկերի*) и непрерывность (*անդադար*) войнъ умолчаны, и откуда-то появляются «товарищи».

Когда стараемся перевести во что бы то ни стало такіа искаженные мѣста и не хотимъ признать въ нихъ «серьознаго препятствія къ точному пониманію текста», то мы сами увеличиваемъ размѣры искаженій.

На стр. 172 у автора находимъ прекрасныя слова: «намъ нужно пред-варительно ознакомиться съ этими главами [отъ 24-ой до 30-ой] со словъ «самого автора, ибо сокращенный пересказъ ихъ лишилъ бы насъ возможности прослѣдить своеобразное изложеніе Хоренскаго». Но тутъ же, съ 173 страницы, г. Халатьянцъ даетъ въ переводѣ лишь извлеченія, искусно подобранныя, и не хорошо то, что у г. Халатьянца различные знаки для указанія допущенныхъ имъ въ переводѣ пропусковъ, то много-точіе, то тире (такъ тире означаетъ на стр. 173 пропускъ періода: *ՄԹԵՐԱ լիւրջ է արժաթոյ* и т. д.).

Разработка вопросовъ объ источникахъ въ разбираемомъ изслѣдованіи, на нашъ взглядъ, односторонняя. Мы не будемъ останавливаться на той сторонѣ дѣла, что всѣ древне-армянскіе историки, всѣ древне-армянскіе литературные памятники занимаютъ то или другое мѣсто лишь по традиціи, а не на основаніи критическаго изученія, между тѣмъ изъ изслѣдованія г. Х-ца читатель можетъ вывести заключеніе, что все обстоитъ благополучно, и только единый Хоренскій занимаетъ шаткое положеніе. Коснемся двухъ другихъ обстоятельствъ.

Опредѣленіе стилистическихъ особенностей и литературныхъ приемовъ писателей имѣетъ громадный интересъ для опредѣленія эпохи даннаго памятника, но слогъ писателя, у армянъ въ значительной степени обусловленный школою, не долженъ сбивать насъ въ опредѣленіи источника, откуда заимствуетъ авторъ не форму, а содержаніе. Г. Х-цъ, кажется, не различаетъ вліянія того или другого памятника на стиль автора и на содержаніе.

На стр. 56, сличивъ выписки о столпотвореніи изъ Евсевія (стр. 55—56), г. Х-цъ основательно отмѣчаетъ общность съ ними у Хоренскаго ряда «характерныхъ словъ и выраженій» и заключаетъ о непосредственной зависимости, въ данномъ мѣстѣ, Хоренскаго отъ *Хроники* Евсевія, и такъ какъ факты излагаются не согласно, то г. Х-цъ утверждаетъ о «намѣренныхъ измѣненіяхъ со стороны армянскаго историка», къ числу которыхъ относитъ «и то, что борьба происходитъ не между Кроносомъ и *Титаномъ*, а между Хайкомъ и Бѣломъ-*Титанидомъ*». Но вѣдь это измѣненіе имѣется уже въ Анонимѣ, котораго г. Халать-

янцъ самъ признаетъ тутъ же (стр. 56) источникомъ Хоренскаго и который, дѣйствительно, и есть настоящий его источникъ, а Евсевій могъ дать Хоренскому лишь нѣсколько выражений для болѣе риторичнаго изображенія столпотворенія.

Если бы придавалъ г. Халатъянцъ самостоятельное значеніе слогу, приѣмамъ, научнымъ терминамъ и вообще начитанности Хоренскаго, если бы г. Халатъянцъ интересовался имъ прежде всего, какъ писателемъ армянскимъ, а не исключительно историкомъ Арменіи, то въ трудѣ его мы имѣли бы рѣшеніе вопроса, если не окончательное, то подготавливающее таковое. Г. Х-цъ тогда и не замкнулся бы въ памятникахъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ исторіи, а выяснилъ бы несомнѣнное вліяніе на Хоренскаго между прочимъ такого памятника, какъ Սահմանք Давида Непобѣдимаго. На этотъ памятникъ, какъ источникъ одного сообщенія Хоренскаго (I, 2) о различныхъ наукахъ, уже указывали. Г. Х-цъ прекрасно могъ бы утилизировать начитанность Хоренскаго въ этомъ трудѣ въ подтвержденіе своего же взгляда. Уже въ вступительной главѣ Хоренскаго встрѣчаемъ мы фразу, обличающую въ немъ знакомство съ Давидомъ: առաքինութիւն բանականին է խոհականութիւն, говоритъ Хоренскій, и періодъ заключаетъ фразою զարդարեալ զբանն (I, 1). Всѣ характерныя слова этихъ фразъ, да и всю фразу одну онѣ, очевидно, заимствовалъ изъ философскихъ трактатовъ, во-первыхъ, Давида Սահմանք, гдѣ читаемъ: պարտ է զիւրաբան չիւր մասն հոգեւոյ իւրականն զարդարել առաքինութեամբ. ուստի բան խոհականութեամբ զարդարեալ գոյ (стр. 173), и, во-вторыхъ, Аристотеля Հաղազս առաքինութեանց (1833, с. 629), гдѣ читаемъ: բանականին առաքինութիւն խոհեմութիւնն է и еще тутъ же: և է խոհեմութիւն առաքինութիւն բանականին.

Въ той же вступительной главѣ сбивающее съ толку переводчиковъ выраженіе գեղեցիկ և չափաւոր մոլութեամբ յայտնիկ մոլեալ отзывается, очевидно, знакомствомъ съ фразою Давида въ Սահմանք'ѣ (стр. 120): ողջախոհ իմն մոլութեամբ առ այտնիկ վարեալք¹⁾.

Особаго вниманія заслуживаетъ одинъ случай, раскрывающій намъ откуда Хоренскій бралъ мысль объ аллегоріяхъ мифовъ. Въ седьмой главѣ первой книги Хоренскаго по поводу «Ефеста, изобрѣтателя огня», читаемъ:

«И почему изобрѣтателемъ огня (գտակ հրոյ) (слыветъ) Ефестъ или «Прометей, похитившій у боговъ огонь и давшій людямъ? Это—аллегорія («այլաբանութիւն»), и въ программу нашей исторіи не входитъ разъясненіе ея, т. е. этой аллегоріи».

1) Въ той же главѣ Хоренскаго фраза անմահ է յիշատակ թողուլ զայս քեզ եւ որ զկնի քոյնքն են գալոց ազգք кажется новымъ примѣненіемъ старой фразы Давида въ Սահմանք'ѣ: զի կացցէ եւ մնացէ անջնչելի յիշատակ զկնի ազգաց եկեղոց.

Но что это за аллегорія? Отвѣтъ на это находимъ опять таки въ *Πρωτοπλάτωνος* Давида, гдѣ читаемъ: «мифологи говорятъ, что Прометей нѣкогда похитилъ у боговъ огонь и далъ людямъ, но это аллегорія, такъ какъ Прометей на самомъ дѣлѣ раньше всего открылъ раздѣлительный («διακριτικός») способъ, а раздѣлительный способъ подобенъ огню, и потому говорятъ о Прометѣѣ, что онъ далъ людямъ огонь» (стр. 134). Хоренскій, повторивъ, что сказаніе о Прометѣѣ есть аллегорія, опустилъ толкованіе самой аллегоріи.

Строгое разграниченіе вопроса о слогѣ отъ вопроса о содержаніи важно въ томъ отношеніи, что только такимъ путемъ можно порѣшиться вопросомъ: не имѣемъ ли въ *Исторіи* М. Хоренскаго позднюю редакцію, при томъ не первую, древняго памятника. Г. Х-цъ вопроса о редакціи и не поднимаетъ вовсе.

Г. Х-цъ вообще ведетъ дѣло такъ, какъ будто не можетъ быть сомнѣнія насчетъ того, что *Исторія* Хоренскаго сочинена въ буквальномъ смыслѣ слова однимъ лицомъ въ одно время отъ начала до конца на основаніи указываемыхъ имъ первоисточниковъ¹⁾, между тѣмъ какъ ввиду существованія до Хоренскаго литературныхъ обработокъ извѣстныхъ эпизодовъ армянской исторіи (Анонимъ, Арташэсиада), можно было серьезно заняться вопросомъ, не имѣемъ ли въ *Исторіи* Хоренскаго компилятивную работу, автору которой принадлежитъ главнымъ образомъ честь спаянія отдѣльныхъ готовыхъ уже книжныхъ сказаній, а послѣднему редактору честь внесенія нѣкоторыхъ подробностей въ частности и сильнаго патріотическаго духа въ цѣломъ. Къ отдѣльнымъ сказаніямъ относится прежде всего трудъ Анонима. Г. Х-цъ также признаетъ за нимъ на стр. 56 «первостепенную важность для изученія источниковъ Хоренскаго», и обѣщаетъ «выяснить его сущность и значеніе». Но приемы его привели къ тому, что на стр. 56 г. Х-цъ пишетъ: «Анонимъ, во всякомъ случаѣ древнѣе Хоренскаго, который и пользовался его произведеніемъ», а на стр. 105 онъ же подсказываетъ, что «едва-ли, впрочемъ, будетъ смѣло принимать выраженія знаменитаго нѣмецкаго критика [рѣчь о замѣчаніи Гутшмида, который судилъ по «плохому переводу»] и въ прямомъ ихъ значеніи, то есть—что «Отрывокъ» [онъ же *Исторія* Анонима] принадлежитъ перу того же Моисея, какъ предварительный эскизъ его «*Исторіи* Арменіи». Во всякомъ случаѣ «современность обоихъ произведеній (VIII—IX в.) и, въ особенности, общіе «обоймъ авторамъ... приемы, замыслы и тенденціи, слишкомъ вѣскія данныя, «чтобы можно было ими пренебрегать».

И такъ Анонимъ во всякомъ случаѣ предшественникъ Хоренскаго, и тотъ же Анонимъ, можно полагать, есть современникъ Хоренскаго. На стр. 142 г. Х-цъ предлагаетъ не удивляться этому, но при всемъ желаніи мы не можемъ подавить въ себѣ чувства удивленія.

1) Лишь въ прим. 2) на стр. 129—130 высказываетъ г. Х.-цъ повидимому нѣчто иное.

Характеръ аргументацій въ разбираемомъ трудѣ обнаруживаетъ въ его авторѣ большую дозу пристрастія и придирчивости къ писательской фizioноміи Моисея Хоренскаго.

На стр. 53 г. X-цъ пишетъ:

«Весьма характернымъ для приемовъ Хоренскаго является тотъ фактъ, что, широко пользуясь Хроникою Кесарійскаго епископа, онъ ни разу во всемъ своемъ сочиненіи не упоминаетъ о ней».

Однако принято-ли у древнихъ армянскихъ писателей цитовать всѣ источники?

а) цитуетъ ли напр. Езникъ Епифанія Кипрскаго, у котораго онъ беретъ добрую часть своего сочиненія?

б) цитуетъ ли историкъ Лазарь Парпскій *Исторію* Египта, которую цѣликомъ эксерпировалъ Лазарь Парпскій, какъ это доказывалъ ¹⁾ г. X-цъ (*Գաղաթ Գարգիս*, Москва 1883, стр. 75)?

в) цитуетъ ли Ананія Ширакскій, этотъ компиляторъ, страннымъ образомъ обращенный въ аргументаціяхъ г. X-ца въ оригинальнаго писателя, цитуетъ ли онъ Василія Кесарійскаго, когда повторяетъ его съ ребяческою наивною?

Нѣтъ! Значитъ этотъ приемъ—умолчаніе объ источникахъ—общій армянскимъ писателямъ.

Къ числу источниковъ, открытыхъ г. X-цомъ, (стр. 180) принадлежитъ неизвѣстный авторъ, у котораго Свиды (изд. Bernhardy, II, 2, col. 668) заимствуетъ слѣдующую, какъ г. X-цу кажется, безподобную характеристику одного армянскаго аршакида, по имени Санатрука: «Будучи роста средняго, онъ имѣлъ влеченіе ко всему великому; онъ былъ первымъ въ дѣлахъ военныхъ, строгимъ блюстителемъ правосудія и такимъ воздержнымъ въ жизни, какъ лучшіе изъ грековъ и римлянъ».

Г. X-цъ признаетъ въ этомъ отрывкѣ источникъ, откуда Хоренскій заимствовалъ характеристику Тиграна, такъ какъ Хоренскій также говоритъ о величіи, о военной доблести, о правосудіи, о воздержной жизни и даже о ростѣ Тиграна!

На стр. 196 г. X-цъ отрицаетъ существованіе Гоѓтанскихъ пѣвцовъ на томъ основаніи, что кромѣ Хоренскаго никто не говоритъ о нихъ и еще потому, что г. X-цу кажется страннымъ, какъ эти пѣсни могли храниться въ Гоѓтанѣ, и только въ Гоѓтанѣ? Хоренскій по мнѣнію г. X-ца долженъ былъ сообщать только то, что говорятъ другіе современныя ему или позднѣйшіе историки, и тогда г. X-цъ сказалъ бы, что Хоренскій списывалъ изъ нихъ и жилъ позже ихъ.

Но не было ли въ самомъ дѣлѣ особыхъ условій въ области Гоѓтанъ, которые могли способствовать сохраненію народныхъ пѣсенъ? Были и они г. X-цу извѣстны (стр. 197). Народныя пѣсни являлись въ древней

1) Ենաչանն քննադատութիւն զայս ինչ բերէ ի յայտնութիւն, թէ աւանդեալն ի Ղազարայ Ղարբանանց պատմութիւն ծայրէ ի ծայր յԵղիշեայ գոլով քաղեալ զրեա թէ նոր ինչ եւ կա՞ր կարեւոր տեղեկութիւնս ոչ մատակարարէ Ազգայնոյ պատմութեան (стр. 75).

Арменіи, понятно, наслѣдіемъ язычества. Фаустъ (III, 13) прямо указываетъ на то, что армяне все еще были пристрастны въ его время къ языческимъ обычаямъ и пѣснямъ народнымъ, языческимъ, конечно. Съ другой стороны, Корянъ сообщаетъ, что Гоѣтанцы дольше держались язычества и, понятно, дольше хранили языческія пѣсни.

Справка историческая, повидимому, говоритъ въ пользу Хоренскаго; но г. Х-цъ все же заключаетъ, что Хоренскій выдумалъ гоѣтанскихъ пѣвцовъ, и въ данномъ случаѣ выдумалъ потому, что имѣлъ основаніе выдумать¹⁾.

На стр. 216 г. Халатьянцъ пишетъ:

«Что касается перемѣны русла Аракса и удаленія рѣки якобы отъ «прежней столицы, Армавиръ, этотъ фактъ констатируется даже нынѣшними путешественниками. Но когда именно произошло это удаленіе, не «извѣстно; по крайней мѣрѣ никто изъ древнихъ историковъ не сообщаетъ объ этомъ явленіи; а потому приурочиваніе его ко времени именно «Ерванда кажется мнѣ произвольнымъ».

Все это разсужденіе намъ кажется произвольнымъ. Какіе историки кромѣ Хоренскаго писали древнюю исторію Арменіи? Ни одинъ историкъ армянскій не говорилъ и о перемѣнѣ русла Араксомъ, но вѣдь это фактъ.

Вообще г. Халатьянцъ смотритъ на армянскую историческую литературу черезчуръ оптимистически: ему какъ будто кажется, что минувшая армянская жизнь у армянскихъ историковъ нашла полное и реальное изображеніе, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, если исключить Хоренскаго, то въ нашихъ рукахъ не имѣется ни одной цѣльной самостоятельной попытки описать прошлую жизнь Арменіи; если же нѣкоторые эпизоды и находятъ своихъ описателей, то они у нихъ получаютъ тусклое, тенденціозно-церковное освѣщеніе, и настоящая жизнь въ нихъ едва-едва отражается.

Культурно-политическая жизнь Арменіи, нужно-ли говорить, была и богаче, и разнообразнѣе, и интереснѣе, и ярче чѣмъ тотъ отблескъ, который проникалъ въ тѣсныя кельи обращенныхъ къ міру монаховъ-писателей. Отрицать все то, о чемъ умалчиваютъ армянскіе историки²⁾, только потому, что армянскіе историки молчатъ, это значитъ отказываться отъ работы на пользу главной задачи арменовѣдѣнія, отказаться отъ мысли когда-либо возсоздать исторію подлинной армянской жизни.

Доводы ex reticentia только тогда и имѣютъ силу, когда намъ не

1) Года два тому назадъ какъ разъ въ области Гоѣтанской найденъ глиняный идолъ, въ 30 сант. высотой (Дѣло Имп. Археол. Коммиссіи, 1896, № 16): послѣ Анійской, около Камаха, въ Турціи, находки части бронзовой статуетки, это первый случай находки идола въ предѣлахъ сѣверной Арменіи. Систематическое археологическое изслѣдованіе этого края во многихъ отношеніяхъ особенно желательно.

2) Армянскіе писатели не словоохотливы и, какъ извѣстно, рѣдко говорятъ даже о своей братіи; потому намъ кажется болѣе, чѣмъ страннымъ, когда въ числѣ доводовъ позднѣйшаго происхожденія *Исторіи* Хоренскаго приводятъ то обстоятельство, что никто не цитуетъ ее раньше католикаса Іоанна (IX) (M. A. Carrière, *La légende d'Abgar*, стр. 358).

даетъ желанныхъ свѣдѣній лицо, желающее и способное насъ просвѣтить; но ссылаться на свидѣтелей, для даннаго предмета слѣпыхъ и нѣмыхъ, по меньшей мѣрѣ неблагоприятно. Между тѣмъ подобными ссылками г. Х-цъ значительно злоупотребляетъ; онѣ ему служатъ источникомъ цѣлаго ряда доводовъ:

1) На стр. 249 г. Х-цъ въ примѣчаніи набрасываетъ тѣнь на имена *Մաժան* и *Չորր*, такъ какъ они, насколько г. Х-цу извѣстно, не упоминаются въ армянскихъ памятникахъ ранѣе IX вѣка.

2) На стр. 254 г. Х-цъ утверждаетъ, что «появленіе княжества Мурацанъ на политическое поприще не можетъ относиться» къ столь древней эпохѣ, такъ какъ «никто изъ древнихъ армянскихъ писателей, — Агаѳангелъ, Фавстъ, Л. Парпскій и Ехише — даже не знаетъ объ этомъ княжествѣ». Вѣдь названные историки и не пишутъ вовсе о той древней эпохѣ и, главное, они не пишутъ по широкой программѣ Хоренскаго.

3) На стр. 258: «у Кавказскихъ народовъ, какъ у вельможъ, такъ и у простолюдиновъ, вилка и понынѣ очень мало распространена, а въ прежнія времена она и совсѣмъ не упоминается».

Мы въ сущности не защищаемъ употребленія *вилки*, потому что, какъ было показано выше (стр. 236—237), еще не установлено, о нашей ли вилкѣ у Хоренскаго рѣчь, но несостоятельны самыя приемы аргументаціи, эти ссылки на принципиально нѣмую литературу, особенно нѣмую относительно реалій, и ссылки на современное или ближайшее къ намъ время, когда рѣчь о сѣдой пресѣдой древности¹⁾. Вотъ если бы были ссылки на археологическія данныя, это другое дѣло. Но для этого сначала нужна разработка армянской археологіи.

4) На стр. 294 г. Х-цъ съ подозрѣніемъ относится къ именамъ Ервазъ и Мажанъ, такъ какъ они неизвѣстны «въ армянской литературѣ до Хоренскаго».

Касательно княжескаго рода Мурацанъ г. Х-цъ сначала на стр. 254—255 разъясняетъ, что Хоренскій сочинилъ легенду объ этомъ родѣ, а затѣмъ на стр. 255 пишетъ: «весьма вѣроятно, что въ данномъ случаѣ «мы имѣемъ дѣло съ одной изъ фамиліныхъ легендъ князей Мурацановъ VII—VIII вв., возникшей, благодаря народной этимологіи, изъ сближенія или даже отождествленія сходныхъ по формѣ, но совершенно различныхъ по значенію, названій».

1) Между *hAğbatom*ъ и *Sanatino*мъ, въ Борчалинскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ворнакѣ, гдѣ теперь, можно сказать, по недѣлямъ не умываются, при раскопкахъ въ числѣ болѣе или менѣе изящныхъ предметовъ мы нашли какую-то туалетную вещь изъ кости, на видъ ухочистку. Раскапывали мы тутъ языческія могилы, иногда оказывавшіяся надъ христіанскими могилами и, слѣдовательно, относящейся къ христіанской порѣ. Неужели мы должны отрицать это очевидное существованіе указанной вещи въ Арменіи на томъ основаніи, что «у кавказскихъ народовъ, какъ у вельможъ, такъ и у простолюдиновъ» ухочистка «и понынѣ очень мало распространена, а въ прежнія времена она и совсѣмъ не упоминается».

Очевидно, тутъ какое-то недоразумѣніе, если впрочемъ изслѣдователь не имѣлъ въ виду сказать, что Моисей Хоренскій былъ изъ рода Мурацанъ!

На стр. 205 пѣснь о Ваагнѣ г. Халатьянцъ предлагаетъ понять, какъ описаніе восхода солнца, и затѣмъ на стр. 208 г. Х-цъ отмѣчаетъ ту несообразность, что по его толкованію, «само солнце имѣетъ еще глаза—словно два солнышка!».

«Эта несообразность, по моему мнѣнію», пишетъ г. Х-цъ тутъ же (стр. 208)—указываетъ на искусственность интересующей насъ пѣсни или, по «крайней мѣрѣ, на ея литературную переработку со стороны армянскаго «историка».

На дѣлѣ, отмѣченная г. Х—цемъ, несообразность сразу отпадаетъ, разъ откажемся отъ его толкованія.

По г. Халатьянцу (стр. 249—250), Хоренскій переноситъ «поздніе «сассанидскіе военные обычаи» «въ Арменію и приурочиваетъ ихъ къ I в. «по Р. Хр.» (стр. 250).

Какіе это поздніе обычаи?

Это раздѣленіе войска на четыре «спарапетства» или воеводства. Слѣдовательно, одинъ «поздній сассанидскій военный обычай». «Поздній сассанидскій» характеръ этого обычая г. Х-цъ усматриваетъ изъ того, что Табари приписываетъ установленіе этого обычая Хосрою Ануширвану (531—579), но Хоренскій даже, по вычисленію г. Х-ца, на сто лѣтъ древнѣе Табари († 923); Хоренскій пишетъ не про Персію, а про Арменію, и, наконецъ, зачатки этого установленія онъ указываетъ значительно раньше перваго вѣка по Р. Хр.: еще при первомъ армянскомъ аршакидѣ, по Хоренскому (II, 7), царская гвардія была раздѣлена на четыре полка.

На стр. 215 г. Халатьянцъ пишетъ:

«Фавстъ Византійскій, перечисляя армянскіе города, захваченные и разоренные персами въ срединѣ IV в. по Р. Хр., упоминаетъ въ числѣ «другихъ и о «великомъ городѣ Ервандашатѣ» (кн. IV, гл. 55, [стр. 146]), «въ которомъ было до 20,000 армянъ и 30,000 евреевъ, переселенныхъ «сюда еще знаменитымъ современникомъ Помпея, Тиграномъ Великимъ. «Отсюда ясно», пишетъ г. Халатьянцъ: «что существовавшій еще въ I в. «до нашей эры городъ Ервандашатъ не могъ быть построенъ Ервандомъ, современникомъ Веспасіана и Тита, какъ утверждаетъ Хоренскій».

Есть ли у Х-ца въ данномъ случаѣ основаніе, позволяющее принять свѣдѣніе Фауста, какъ достовѣрное сообщеніе?

Затѣмъ, изъ словъ г. Х—ца (тамъ-же) выходитъ, что Тигранъ переселилъ 30,000 евреевъ въ Ервандашатъ, но Фаустъ этого не говоритъ: Фаустъ (Пет. изд., стр. 146—147 = Венец. изд., стр. 177—178) говоритъ, что Тигранъ переселилъ изъ Палестины въ Арменію несмѣтное количество евреевъ и размѣстилъ ихъ въ свое время, въ свой вѣкъ по городамъ

Арменіи ¹⁾, но Фаустъ не говоритъ, что въ то время, т. е. во время Тиграна Великаго, существовалъ городъ Ервандашатъ: это говоритъ г. Халатьянцъ. И г. X—цъ это говоритъ не случайно: дѣло въ томъ, что на стр. 234—235 у г. X—ца читается — «я полагаю, что основаніе или, «по крайней мѣрѣ, наименованіе ихъ», т. е. Ервандашата, Ервандуника и др. «восходятъ къ эпохѣ Ахеменидскихъ сатраповъ V—IV вѣковъ, и «именно «сатраповъ восточной Арменіи, въ районѣ которой и встрѣчаются приведенныя названія. Неразъ упоминаемые между этими сатрапами *Оронты* — «Ὀρόντης и Ὀρόντας ²⁾» — и есть персидскій *Арвандъ* и армянскій *Ервандъ* ³⁾»).

Вотъ для чего г. X—цу нужно было приписать Фаусту сообщеніе о томъ, что Ервандашатъ существовалъ до I в. по Р. Хр.

На стр. 232—233 у X—ца читаемъ:

«Что при описаніи Ервандакерта-Мармэта историкъ нашъ, дѣйствительно, принимаетъ въ соображеніе позднія условія мѣстности, видно изъ свидѣтельства надписей XIII вѣка. Въ нихъ упоминается *Мармэтъ* «въ качествѣ селенія, лежавшаго, какъ и у Хоренскаго, на р. Араксѣ, «и съ давнихъ поръ богатаго виноградниками».

Если условія эти были съ давнихъ поръ, то ихъ нельзя назвать поздними. Ссылка г. X—ца на надпись XIII в. можетъ однако смутить не специалистовъ: почему въ самомъ дѣлѣ Мармэтъ появляется въ надписяхъ лишь съ XIII-го вѣка? Потому что это имя пока попадаетъ лишь въ дарственныхъ надписяхъ, а дарственные надписи стали систематически изсѣкать армяне на стѣнахъ церквей лишь съ конца XII вѣка. Да, и вообще древне-армянскихъ надписей до X—XI в. всего извѣстно едва десятокъ и въ нихъ нѣтъ напр. помѣна о Двинѣ, а этотъ городъ, несомнѣнно, существовалъ до X в..

Одинъ изъ излюбленныхъ пріемовъ въ аргументаціяхъ г. X—ца, это то, что желательныя ему положенія, которыя слѣдовало бы предварительно доказать, онъ принимаетъ, какъ аксіомы, а затѣмъ, понятно, изъ общихъ положеній сами собою вытекаютъ всѣ невыгодныя для Хоренскаго послѣдствія.

Такъ на стр. 280 г. X—цъ говоритъ, что объ еврейской колоніи въ Арташатѣ Хоренскій могъ знать только изъ Фауста: это—аксіома субъективная.

Тамъ же, ниже, изъ словъ г. X—ца выходитъ, что объ языческихъ святилищахъ Хоренскій могъ знать только изъ Агаангела. Все это еще нужно доказать доводами, а не тѣмъ, что кажется.

«Фактическіе» доводы г. X—цъ большею частью мотивируются фразами «мнѣ кажется», «какъ я полагаю», «быть можетъ» и «повидимому».

1) Բնակեցոյց և քաղաքն Հայոց յԵրուսդարուս և ժամանակն.

2) Judeich, *Kleinas. Stud.*, стр. 221 и сл., Justi, *Iran. Namenbuch*, стр. 234—5. Прим. X.

3) Hübschmann, *Arm. Gram.*, I Theil, Armen. Etymologie, Leipzig 1895, стр. 41. Прим. X.

Такъ напр. со страницы 219-ой на стр. 219 и 294 («какъ я полагаю», жрецъ Ервазъ выдуманъ потому, что существовало селеніе Ерѣзъ, съ языческимъ храмомъ!), 222 («мнѣ кажется»), 224 («мнѣ кажется»), стр. 225 («кажется мнѣ»), 233 («можетъ означать»), 234—235 («я полагаю»), 247 (значеніе у алановъ красной кожи «кажется мнѣ сомнительнымъ»), стр. 287—290 («мнѣ сдается», «нужно полагать», «какъ мнѣ кажется» и т. п.), 297 («навѣяно, я полагаю» и «кажется»), стр. 299 («перенято, повидимому, у Евсевія»).

Съ такими доводами, по нашему мнѣнію, съ которымъ, быть можетъ, согласится и авторъ, трудно вселить въ читателя убѣжденіе въ устойчивость научнаго построенія.

Лингвистическіе и филологическіе доводы, приводимые г. Халатьянцемъ въ подтвержденіе тѣхъ или другихъ, иногда, быть можетъ, и вѣрныхъ положеній, очень часто сами по себѣ совершенно несостоятельны.

На стр. 8 у г. Халатьянца читаемъ:

«Во всякомъ случаѣ, если *aprsam* Хоренскаго и не заимствовано у «Иосифа Горіонида, то слово это все-же не древнее: оно не встрѣчается «ранѣе VIII вѣка, между тѣмъ какъ *balsamon* (բաղամոն) восходитъ къ «V вѣку».

Основная мысль этой тирады невѣрна: *aprsam* и *balsamon* (вост. *balasan*) суть двѣ формы одного и того же слова, и какъ разъ *aprsam* есть болѣе древняя форма, которая извѣстна и въ сирійскомъ (см. de Lagarde, GA, стр. 17,30).

На стр. 181 г. Халатьянецъ вдается въ филологическія изслѣдованія словъ *խորեհաջ, անձնեայ* и *խորագէտ*: Словарь Мхитаристовъ указываетъ на употребленіе этихъ словъ въ Библии, а перваго изъ нихъ и у Евсевія, и на этомъ основаніи г. Халатьянецъ заключаетъ, что эти слова взяты Хоренскимъ изъ Библии и Евсевія. Мы не будемъ спорить, дѣйствительно-ли эти эпитеты эпические или нѣтъ, но почему этихъ армянскихъ словъ Хоренскій не могъ употребить независимо отъ переводныхъ памятниковъ, разъ г. Халатьянецъ, конечно, не думаетъ, что классическій армянскій языкъ сочиненъ переводчиками.

Считаемъ лишнимъ останавливаться на всѣхъ случаяхъ, когда изслѣдователь примѣняетъ къ дѣлу этотъ крайне оригинальный приѣмъ (такъ на стр. 194 и сл. по поводу словъ *երգ, զէպ, զիպառան, երգը զընդ և զարուց* и *բաժբրան*).

Бываютъ случаи, когда у Хоренскаго оказываются слова, аналогичныя по образованію со словами, употребленными въ другихъ памятникахъ, напр. въ Библии, и г. Халатьянецъ (стр. 181) увѣряетъ, что въ такихъ случаяхъ Хоренскій составлялъ слова по образцу библейскихъ словъ или иному, напр. такъ составлены, по мнѣнію г. Халатьянца ¹⁾, эпитеты

1) Будто по образцу *չարակն, արագուն* и *յաղթահառակ* (кн. Притч. XXIII, 6, XXIV, 34; Чис. XIII, 33) и *աղբաղառակ* (Л. Парпскій, стр. 23: матеріалъ взятъ

մեղրուակն [будто бы означающий] *красивоглазый*, *գեղեցկուան* *красивоногий*, *բաջաշատակ* и *առյգաբարձն*. Но развѣ могли иначе звучать армянскія сложные слова, каковы перечисленные эпитеты, если бы они восходили къ народному эпосу или были бы употреблены Хоренскимъ самостоятельно? Какимъ путемъ могъ избѣгнуть Хоренскій или народный пѣвецъ отмѣчаемой г. Халатьянцемъ аналогіи, разъ и Хоренскій, и армянскій народный пѣвецъ пользовались армянскимъ языкомъ?

На стр. 181 *առյգաբարձն* г. Халатьянцъ хочетъ признать составленнымъ по образцу *առյգազաւակ* Л. Парпскаго (стр. 23): у Л. Парпскаго въ цитуемомъ имъ текстѣ не *առյգազաւակ*, а *առդազաւակ*. Дѣло не въ томъ: что г. Халатьянца заставляетъ предполагать, будто Хоренскій при описаніи героя-царя эпитетъ *առյգաբարձն* составилъ по образцу эпитета *առդազաւակ*, который Лазарь Парпскій прилагаетъ къ осламъ и дикимъ животнымъ (*զանժիւ արաւտականս ընդանի իշանց և զանհամբոյր բոյւ վայրենի էրէոցն յազուցեալ... առդազաւակս ևն*)?

Но бываетъ и такъ, что Хоренскій употребляетъ такое слово, которое, судя по *Словарю* Мхитаристовъ, у другихъ писателей, по крайней мѣрѣ древнихъ, не встрѣчается; тогда г. Халатьянцъ увѣряетъ, что это слово сочинено Хоренскимъ? Такъ на стр. 181—182 *գուկեան* *румяный* ему кажется необычнымъ: «мнѣ такъ сдается», пишетъ г. Халатьянцъ, «что историкъ замѣнилъ имъ извѣстное ему изъ *Хроники* Евсевія *կարմրաւոր*», означающее *румянолицый* [буквально: *краснощекій*] и употребленное Евсевіемъ примѣнительно къ египетской царицѣ Нитокрисѣ.

Въ данномъ случаѣ *Словарь* Мхитаристовъ ввелъ г. Халатьянца въ заблужденіе: слово *գուկեան* имѣется въ классическомъ армянскомъ переводѣ *Шестоднева* Василія В., Венец. 1830, стр. 85: *զուարժ երեսուք գուկեան գուկով* говорится у Василія о здоровомъ человѣкѣ. Но, пожалуй, г. Халатьянцъ теперь будетъ утверждать, что Хоренскій заимствовалъ это необычное слово изъ армянскаго перевода *Шестоднева* Василія.

И что за уродливый образъ въ представленіи г. Халатьянца этотъ Хоренскій, если описывая красоту доблестнаго по его мнѣнію, дорогого ему царя, историкъ рисуетъ его румянымъ потому, что у Евсевія прочелъ объ алыхъ ланитахъ египетской царицы и прилагаетъ къ нему спорный эпитетъ *առյգազաւակ* потому, что подобнымъ же эпитетомъ другой историкъ Лазарь характеризуетъ ослъ и вообще животныхъ, вскормленныхъ Араратскою равниною!?

также изъ *Словаря* Мхитаристовъ (*առյգազաւակ* подъ *առյգաբարձ* непосредственно).

«Слово *թիկնակտ* «плечистый», по моему крайнему разумѣнiю», утверждаетъ г. Халатъянцъ (стр. 182): «грѣшитъ противъ законовъ армянскаго языка, такъ какъ суффиксъ *ակտ* показываетъ изобилiе и множество чего нибудь въ отношенiи *количественномъ*, будетъ ли то предметъ, или отвлеченное понятiе, напр. *հացակտ*, *կոհակակտ*, *շահակտ* «*пиршество*»».

Если есть какое либо слово, подлежащее изгнанiю, какъ искусственное образование, такъ это приводимое г. Халатъянцемъ въ назиданiе Хоренскому *սրախակտ*: этого слова, встрѣчающагося лишь у такихъ стилистовъ, какъ неизвѣстный переводчикъ *Хриі*, котораго традиція видитъ опять таки въ Хоренскомъ, не могъ образовать ни одинъ армянинъ въ классическій періодъ. Интересующій насъ суффиксъ присоединяется къ именамъ существительнымъ, а не прилагательнымъ, и съ этой стороны *թիկնակտ* Хоренскаго грамматически вполнѣ правильное образование¹⁾.

На стр. 195—196, по поводу непонятнаго слова *բաժրիւն*, названiя музыкальнаго инструмента, у г. Халатъянца читаемъ, что «или Хоренскій переименовалъ *փանդիւն*, желая тѣмъ избѣгнуть обычнаго выраженiя (?) и создать нѣчто новое, своеобразное, или это искаженiе «надо отнести къ переписчикамъ, или же, наконецъ, нужно признать, что «*բաժրիւն* слово позднее, не восходящее ранѣе IX вѣка».

Такое объясненiе по крайней мѣрѣ безвредно, хотя книга, конечно, выиграла бы отъ его отсутствiя.

На стр. 277 г. Халатъянцъ утверждаетъ, что «въ I в. по Р. Хр. и даже при сассанидахъ» глаголъ *приходитъ* на персидскомъ долженъ былъ звучать не *amat*, а только *mat*.

Это однако невѣрно. Въ пехлеви рядомъ съ *mat* существовало и *āmat*, и это какъ разъ самая обычная форма (C. Salemann, *Ueber eine Parsenhandschrift... zu St.-Petersburg*, стр. 78, послѣдняя строка; J. Darmesteter, *Études iraniennes*, 1883, I, стр. 202; Horn, *Grundriss der neu-p. Etymolog.* 1893, стр. 11, 48). Г. Халатъянцъ ссылается на одно примѣчанiе Nöldeke (Tabari, стр. 9, 2), но въ данномъ случаѣ, объясняя *հրաժանար* Елисея, маститый ученый привелъ исключительно форму *matan* только потому, что въ другой формѣ — *ā-matan* — не было надобности.

1) Кстати, замѣтимъ и то, что суффиксъ самъ вовсе не звучитъ *ակտ*, а лишь *կտ*. Г. Халатъянцъ, повидимому, смѣшиваетъ этотъ суффиксъ съ прил. *յակտ*, но на дѣлѣ это двѣ различныя вещи. Гласное *ա* въ *թիկնակտ*, какъ и въ *խոսակտ* (М. Хор. II, 6), есть такъ называемый соединительный гласный звукъ, безъ котораго и обходятся, когда основа сама по себѣ гласная, напр. *դիմեկտ* отъ *դիմի* (*դիմակտ* есть позднѣйшее образованiе по аналогiи). Если бы въ *ակտ* мы имѣли прилагательное *յակտ*, то въ сложенiи съ существительными *դիմի*, *թէկն* и пр. мы имѣли бы несуществующія формы **յակտադիմի*, **յակտաթէկն*.

Мы, быть можетъ, менѣе, чѣмъ кто либо другой, вѣримъ въ возможность безукоризненнаго выполненія большого научнаго изслѣдованія въ нашей спеціальности. На промахи и иногда неизбежное нарушеніе строгихъ научныхъ приѣмовъ обрекаетъ заранѣе себя каждый, кто имѣлъ неосторожность взяться за рѣшеніе сколько нибудь обширнаго вопроса по арменовѣдѣнію. Однако не ясное ли дѣло, что вмѣсто торжества авторъ готовитъ большое испытаніе своей основной мысли и дискредитируетъ ее, если для ея подтвержденія прибѣгаетъ къ такимъ, какъ указанные, малонадежнымъ доводамъ. Развѣ такъ уже невѣрно дѣло, чтобы хвататься, точно утопающій за соломинку, за первые подвернувшіеся подъ руки факты и за первыя пришедшія въ голову соображенія? Неущерба ли больше дѣлу въ этомъ, чѣмъ пользы? Но есть и другая опасность. Накопленіе доводовъ, мало обоснованныхъ, а подчасъ и вовсе ни на чемъ не основанныхъ, грозитъ создать новую атмосферу ложныхъ представленій о прошломъ армянъ, которая, застоявшись и пустивъ корни, можетъ оказаться болѣе пагубною для успѣховъ арменовѣдѣнія, чѣмъ традиціонный ошибочный взглядъ на историческій трудъ и личность Моисея Хоренскаго.

Обратимся теперь къ постановкѣ вопроса, которому, если вѣрить заглавію, посвященъ весь трудъ г. Халатьянца. Надо знать, какъ высоко ставилъ, еще недавно, развѣнчиваемаго отца армянской исторіи авторъ подлежащей работы, чтобы понять ту страстность, съ которою пытается онъ вкоренить въ читателѣ свое новое діаметрально противоположное мнѣніе о томъ же писателѣ, основанное на болѣе близкомъ и болѣе самостоятельномъ его изученіи.

«Хоренскій и какъ писатель, и какъ историкъ занимаетъ въ армянской литературѣ первостепенное мѣсто. Его возвышенный слогъ и богатый языкъ вмѣстѣ съ научнымъ мѣткимъ лаконизмомъ, его развитой вкусъ, начитанность и наконецъ умѣніе писать изящно и плѣнительно «представляютъ неоспоримыя литературныя достоинства. Какъ историкъ, «Хоренскій не имѣетъ равнаго себѣ уже потому, что онъ первый зачалъ «мысль написать исторію Арменіи съ древнѣйшихъ временъ... Его глубокое пониманіе исторіи и тонкій художественный вкусъ съ особымъ «блескомъ обнаруживаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ, проникая въ глубь «армянской древности, стремится возсоздать давно минувшія событія на «основаніи обрывковъ чуднаго національнаго (армянскаго) эпоса и преданій «старинны ¹⁾».

Для кумира, поставленнаго на такой высотѣ, какъ оказалось при ближайшемъ разсмотрѣніи, незаслуженно, разочаровавшійся въ немъ ученый не находитъ лучшаго мѣста, какъ позорный столбъ, у котораго и выставляется Моисей Хоренскій, въ качествѣ единственнаго въ своемъ

1) Гр. Халатьянецъ, *Գրական և լրբերանցու Հայոց Պատմութիւնն իբրեւ ծ. վ. Ստեփանէի Թարգմանութեամբ*, Аракъ, 1890, I, стр. 115—116 = отд. отт., стр. 3—4.

родѣ изобрѣтателя... въ области фальсификаціи и поддѣльванія научныхъ документовъ.

По крайней мѣрѣ въ настоящее время тотъ же ученый обстоятельно знакомитъ насъ съ подробностями своихъ взглядовъ на вопросъ и доказываетъ, что у того же Хоренскаго вмѣсто слѣдовъ чуднаго національнаго (армянскаго) эпоса или преданій старины, вмѣсто научнаго мѣткого слога и тонкаго художественнаго вкуса оказываются разныя далеко не научныя и весьма грубыя «художества», и что Хоренскій, выдающій-де себя за писателя V-го вѣка, на самомъ дѣлѣ работалъ въ концѣ восьмого или даже въ началѣ IX-го вѣка ¹⁾.

Заглавіе труда, повидимому, относится къ тому времени, когда г. Халатьянцъ исповѣдывалъ теорію покойнаго Эмина объ эпосѣ у Хоренскаго, точно воплощенную истину; съ того времени г. Халатьянцъ успѣлъ измѣниться, но почему-то счелъ лишнимъ измѣнить сообразно и заглавіе. Въ настоящемъ трудѣ по существу рѣчи нѣтъ объ армянскомъ эпосѣ, имѣющемся у М. Хоренскаго: онъ критикуетъ главнымъ образомъ тотъ «чудный армянскій эпосъ», который навязывали Хоренскому остроумные филологи.

Вопросъ о заглавіи дѣло вкуса, поскольку дѣло касается его редакціи, т. е. степени полноты, мѣткости и тѣмъ болѣе красоты заглавія. Но совсѣмъ другое дѣло, когда содержимое книги и выставленное на заглавной страницѣ названіе представляютъ двѣ несоразмѣримыя величины. Вопросъ о заглавіи въ данномъ случаѣ сводится къ постановкѣ вопроса, а научно рѣшать невѣрно поставленный вопросъ это все равно, что стрѣлку нарочно цѣлиться мимо мишени.

Конечно, спорить по существу съ кѣмъ бы то ни было о происхожденіи армянъ и объ эпосѣ, долженствующемъ отражать эту изначальную исторію, мы не можемъ. Для г. Халатьянца, какъ и для большинства, армяне — арійцы, исключительно съ тѣми или другими арійскими преданіями, чуждые совершенно семитическому міру. Для насъ же въ армянахъ, какъ и въ армянскомъ языкѣ стародавняя основа вовсе не арійская, какъ ни плотенъ въ нихъ арійскій слой; даже въ языкѣ армянскомъ, казалось бы вконцѣ аріизованномъ, многое наиболѣе характерное для армянскаго, оказывается неарійскимъ, хотя и армянскимъ. Весьма цѣнные элементы доарійскаго армянскаго удастся намъ выдѣлить изъ

1) Представляя изъ себя трудъ, написанный въ VIII или IX вѣкѣ, притомъ, допустимъ, составленный на основаніи поголовно недостоверныхъ источниковъ, развѣ *Исторія Арменіи* Хоренскаго не могла бы сохранить за собою славу литературнаго памятника, изложеннаго «мѣткимъ слогомъ» и составленнаго съ «тонкимъ художественнымъ вкусомъ»? Могла бы, конечно, но, судя по исторіи возникновенія разбираемаго памятника, какъ ее рисуетъ намъ г. Халатьянцъ, текстъ его долженъ представлять такую мозаику фальсификацій, такое пестрое нищенское рубище, сшитое изъ всевозможныхъ негодныхъ лохмотьевъ, что не можетъ быть рѣчи ни о какомъ вообще слогѣ, ни о какомъ вкусѣ нашего историка. Но такъ ли это?

армянскаго языка сличеніемъ съ грузинскимъ языкомъ. Болѣе того, грузинскій языкъ вмѣстѣ съ доарійскимъ армянскимъ языкомъ и съ нѣкоторыми другими языками, какъ уже выяснили мы себѣ, составляютъ одну лингвистическую семью, которая оказывается въ несомнѣнномъ родствѣ съ семитическою семьею языковъ. Понятно, ученый имѣетъ полное право игнорировать все, что еще не напечатано, но у г. Халатьянца есть сужденіе, которое намъ кажется крайне рискованнымъ. Именно на страницѣ 111 онъ пишетъ:

«Исторію Урартійцевъ (Урарту — Араратъ), древнѣйшаго народа, «населявшаго географическую Арменію [а какая еще есть негеографическая «Арменія?] и принимаемаго нѣкоторыми учеными за прото-армянъ, нужно «въ данномъ случаѣ оставить въ сторонѣ, вслѣдствіе спорности и запутанности вопроса объ языкѣ Ванскихъ надписей, равно какъ и объ національности начертывшаго эти надписи племени. Гораздо важнѣе для насъ «та эпоха въ жизни армянъ, которую застаётъ достовѣрная исторія и т. д.»

Но развѣ у насъ есть какія либо данныя въ пользу того, что прото-армяне не оказали вліянія на армянъ-арійцевъ и, слѣдовательно, прото-армянскія преданія не могли отразиться на эпосѣ позднѣйшихъ армянъ, въ послѣдствіи аріизованныхъ и иранизованныхъ? Конечно, нѣтъ.

Можно ли, слѣдовательно, въ настоящее время судить въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это дѣлается, о подлинности эпоса, собственно обрывковъ эпоса, преподносимыхъ намъ Хоренскимъ въ литературной обработкѣ?

На стр. 112—113 у г. Халатьянца читается:

«Вопреки всѣмъ неоспоримымъ даннымъ, вопреки историческимъ, «можно сказать, законамъ, начальная лѣтопись армянъ—*индоевропейцевъ* «по происхожденію и *иранцевъ* по культурѣ—явилась въ сильной *семитической* окраскѣ, благодаря вліянію библейско-христіанскихъ, книжныхъ «представленій эпохи; а это обстоятельство ясно указываетъ, во первыхъ, «на ея искусственность и, во вторыхъ, на болѣе позднее ея составленіе, «чѣмъ V и VI вѣка».

Законы и неоспоримыя данныя до сихъ поръ не могутъ быть установлены даже относительно армянской лингвистики, по которой имѣются хоть какія ни есть научныя работы.

Никакихъ «неоспоримыхъ данныхъ», никакихъ даже такъ сказать «историческихъ законовъ» не существуетъ по отношенію къ армянскому эпосу, долженствующему отражать начальную исторію Арменіи, такъ какъ самъ этотъ эпосъ пока является спорною величиною, какъ это ясно прежде всего изъ попытки самого г. Халатьянца, вовсе отрицающаго армянскій эпосъ.

Стараясь разрѣшить то, что нашему пониманію пока недоступно, г. Халатьянецъ высказываетъ мысли въ сущности ни на чемъ не основанныя вродѣ того, что будто «библейскіе или апокалипсическіе мотивы чужды воззрѣніямъ языческихъ армянъ» (стр. 183).

Но допустимъ вѣрность сужденія, что «семитическая окраска», какъ утверждаетъ г. Халатьянцъ, тѣхъ или другихъ сказаній есть результатъ исключительно позднѣйшихъ въ Арменіи «библейско-христіанскихъ¹⁾», книжныхъ представленій», развѣ этимъ обстоятельствомъ уничтожается значеніе армянскаго эпоса или опровергается существованіе армянскаго эпоса?

Г. Халатьянцъ, конечно, согласится съ нами, что древне-армянская литература исключительно церковно-схоластическая; что она совершенно чужда романтизма и мірской поэзіи, всѣхъ тѣхъ литературныхъ родовъ, отъ которыхъ по мнѣнію армянскихъ писателей, могли пострадать добрые христіанскіе нравы читателей. Литература армянская, вызванная къ жизни и продолжавшая питаться иностранными источниками, была однако закрыта для иностранной изящной литературы, и это, конечно, исключительно потому, что представители ея боялись всего нехристіанскаго не только языческаго, но и мусульманскаго. Равнымъ образомъ умалчиваютъ армянскіе писатели о родномъ folk-lore'ѣ: народныя сказки и пѣсни для древнихъ армянскихъ писателей предметъ омерзѣнія; отъ нихъ они отрешиваются, какъ отъ дьявольскаго навожденія. Езникъ упоминаетъ о нихъ мимоходомъ, какъ о предметѣ, не заслуживающемъ вѣры. Армянскіе писатели по своему существу не могли ни интересоваться народнымъ эпосомъ, ни охотно воспроизводить его на бумагѣ.

Между тѣмъ на стр. 203 *Изслѣдованія* читаемъ:

«Неужели можно вѣрить тому, что авторъ нашъ имѣлъ подъ рукою «цѣлую эпопею о Вахагнѣ и привелъ изъ нея лишь крошечный обрывокъ?» «Могъ ли», спрашиваетъ г. Халатьянцъ въ концѣ длинной тирады, могъ ли такой писатель (т. е. Хоренскій) имѣть въ своемъ распоряженіи «обширный народный эпосъ, грандіозную поэму о Вахагнѣ и не пользоваться ею по возможности полнѣе? Очевидно, нѣтъ», спѣшитъ онъ самъ отвѣтить.

«Очевидно, да», скажетъ всякій, кто рѣшеніе этого частнаго вопроса будетъ ставить въ зависимость отъ общаго характера армянской литературы.

Такой же смыслъ имѣетъ слѣдующее замѣчаніе г. Халатьянца на стр. 205:

«Не лишне замѣтить, что для такого важнаго момента въ исторіи армянъ, какъ борьба ихъ, въ лицѣ Вахе, съ Великимъ Македоняниномъ, «съ именемъ котораго связано такъ много сказаній на Востокѣ, Хоренскій «довольствуется двумя строчками! Чѣмъ это объяснить, какъ не отсутствіемъ вообще какихъ бы то ни было мѣстныхъ, армянскихъ источниковъ по древней исторіи, либо по эпосу армянъ».

Нѣтъ, не отсутствіемъ источниковъ армянскаго эпоса, а тѣмъ враждебнымъ чувствомъ, которое армянскіе книжники питали къ родному

1) Кстати, слѣдовъ христіанскаго вліянія въ армянскомъ эпосѣ Хоренскаго абсолютно нѣтъ.

эпосу, приходится объяснять скудость народных мотивовъ въ армянской литературѣ. Это явленіе впрочемъ наблюдается не исключительно въ армянской литературѣ; по поводу русскаго богатырскаго эпоса извѣстный знатокъ древне-русской литературы говоритъ: «Въ старину, наша народная поэзія такъ усердно преслѣдовалась и проклиналась, что у книжниковъ не было мужества взяться за ея воспроизведеніе; позднѣе, для этого прошло время, потому что и самый народъ началъ забывать былинку,—какъ на западѣ забыли свой народный эпосъ, только гораздо раньше» (Вѣстникъ Европы, 1897, мартъ, стр. 394).

Что особенно поучительно, такъ это то, что на стр. 338—339 труда авторъ самъ, незамѣтно для себя, противорѣчитъ себѣ, такъ какъ пишетъ:

«Историкъ армянскій въ области народной поэзіи гнушается, какъ «мы видѣли, всѣмъ, что носить иранскій, восточный характеръ¹⁾, предпочитая ему художественные мифы эллиновъ. Если даже и были у нашего автора какія нибудь народныя сказанія, онъ старался тщательно «передѣлывать ихъ» и т. д.

Посмотримъ на то, какъ г. Х-цъ обращается съ вопросомъ о народномъ армянскомъ эпосѣ у Хоренскаго, избранномъ предметѣ его диссертаци.

Этотъ вопросъ въ данной работѣ его не интересуетъ по существу. Онъ пользуется имъ лишь какъ орудіемъ для того, чтобы возбудить въ читателяхъ охватившее его чувство полного недовѣрія къ Хоренскому, какъ писателю. Для этого г. Х-цъ не считается съ подлиннымъ эпосомъ у Хоренскаго, а создаетъ себѣ излишнее препятствіе.

Препятствіе это—теорія покойнаго Эмина; эта теорія со стороны ученаго переводчика Хоренскаго была остроумною, но неудачною попыткою поднять значеніе *Исторіи* Хоренскаго, какъ источника для исторіи, ссылкой на народное происхожденіе всѣхъ легендъ, сообщаемыхъ въ этомъ памятникѣ. Эмину хотѣлось доказать, что устами Хоренскаго сказываютъ намъ сами рапсоды армянскіе; Эминъ возводилъ непосредственно къ народнымъ пѣвцамъ такія страницы Хоренскаго, которыя еще до Хоренскаго вращались въ болѣе примитивной версіи въ армянской литературѣ и которыя въ обработкѣ Хоренскаго во всякомъ случаѣ должны быть разбираемы уже, какъ позднѣйшіе книжные изводы. Если бы г. Халатьянцъ велъ полемику съ Эминымъ, то намъ едва ли что пришлось бы возражать.

Дѣло однако въ томъ, что теорію Эмина г. Халатьянцъ не опровергаетъ, какъ нѣчто, навязанное Хоренскому²⁾, а какъ нѣчто такое,

1) По мнѣнію г. Халатьянца, подлинный народный армянскій эпосъ долженъ носить именно иранскій характеръ; слѣдовательно, и самъ г. Халатьянцъ признаетъ, что Хоренскій гнушается армянскимъ эпосомъ.

2) Только на стр. 257 упоминаетъ г. Халатьянцъ, что опровергая, какъ онъ думаетъ, достовѣрность 47 гл. II кн. Хоренскаго, онъ опровергаетъ теорію на-

въ созиданіи чего принималъ участіе самъ Хоренскій. Этимъ способомъ г. Х-цу весьма искусно удастся кругомъ опутать Хоренскаго цѣлою сѣтью обвиненій. Опровергнувъ блестяще теорію Эмина, которую г. Халатьянцъ исповѣдывалъ еще недавно, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ опровергаетъ, какъ ему кажется, всякое присутствіе подлиннаго народнаго эпоса въ *Исторіи Арменіи* Хоренскаго. Свой взглядъ по этому предмету совершенно ясно выражаетъ г. Х-цъ на стр. 270:

«Онъ, Хоренскій, а никакъ не народные пѣвцы, и есть по преимуществу авторъ всего романическаго, всего аллегорическаго и *всего эпическаго* [курс. рец.], заключающихся въ его *Исторіи*».

Если намъ удастся убѣдить читателя, быть можетъ, и автора, въ непрочности сужденія г. Х-ца о древне-армянскомъ народномъ эпосѣ и объ *Исторіи* Хоренскаго, насколько оно зависитъ отъ оцѣнки нашимъ изслѣдователемъ армянскаго народнаго эпоса у этого историка, то главная цѣль настоящей статьи будетъ достигнута.

Въ основѣ оцѣнки г. Халатьянца лежатъ два приема, которые даютъ, какъ я полагаю, превратное представленіе объ эпическомъ элементѣ, внесенномъ въ *Исторію* Хоренскаго.

Хоренскій не сочувствовалъ народнымъ рассказамъ, и если обращалъ вниманіе на народныя сказки и пѣсни, то лишь постольку, поскольку онѣ поддавались его изощренному, искусственному толкованію. Толкованіе это, конечно, не могло раскрыть дѣйствительнаго смысла народныхъ сказаній, эпическихъ или иныхъ, которыя порою могли въ самомъ дѣлѣ отражать стародавнюю жизнь всего края. Было бы мало основательно требовать отъ Хоренскаго научнаго въ нашемъ смыслѣ слова изслѣдованія народнаго эпоса Арменіи; толкованія Хоренскаго также научны, но съ точки зрѣнія господствовавшей въ древней Арменіи схоластической науки; приемомъ иносказательнаго пониманія вещей, усвоеннымъ въ школѣ при изученіи греческихъ риторовъ, Хоренскій воспользовался при составленіи своей *Исторіи* и съ такимъ орудіемъ въ рукахъ онъ кое-гдѣ и привлекъ къ дѣлу народныя сказанія для «оправданія» своихъ книжныхъ рассказовъ.

Есть ли въ самой связи повѣствованія Хоренскаго звенья, дѣйствительно восходящія къ народному эпосу, мы изъ самого памятника не знаемъ; одни хотѣли было думать, что не одно звено происходитъ изъ народнаго эпоса, г. Халатьянцъ въ общемъ сводитъ къ нулю вліяніе эпоса въ *Исторіи* Хоренскаго ¹⁾, мы же, считаемъ этотъ вопросъ по существу преждевременнымъ; самъ Хоренскій всюду ставитъ на видъ свою зависимость отъ писанныхъ источниковъ и нигдѣ не говоритъ, что

родно-эпическаго ихъ происхожденія. Но эта свѣтлая мысль исчезаетъ безслѣдно во всѣхъ другихъ тождественныхъ случаяхъ, гдѣ за несостоятельность Эминовской теоріи авторъ привлекаетъ къ отвѣтственности невиннаго въ этомъ отношеніи Хоренскаго.

1) Стр. 200 и сл.

та или другая эпоха описана имъ на основаніи народныхъ преданій; Хоренскій не прочь мѣстами въ подтвержденіе правдивости своей книжной *Исторіи* сослаться на народныя сказанія, но онъ ихъ понимаетъ аллегорически, и потому для насъ цѣнны лишь сами отрывки изъ эпоса, а нисколько не толкованія Хоренскаго. Чтобы быть понятыми вполне и не арменистами, мы укажемъ на отрывокъ персидскаго эпоса у Хоренскаго: въ концѣ первой книги приводится вкратцѣ изъ персидскихъ сказокъ (*հ պարսից անասիւնքէաց*) сначала само сказаніе о Бюраспѣ Аждахакѣ и Һруденѣ, т. е. персидскомъ Феридунѣ, а затѣмъ толкованіе этого сказанія; толкованіе Хоренскаго, видящаго во всемъ лишь аллегорію, ни съ чѣмъ несообразно и безусловно произвольно, но сказка персидская дѣйствительно существовала.

По той же причинѣ ясно, что если аллегорическія толкованія Хоренскаго, нужныя ему для чего либо, оказываются невѣрными, то армянскій эпосъ въ этомъ неповиненъ ¹⁾.

Между тѣмъ напр. на стр. 193—194, признавъ несостоятельность историческихъ свѣдѣній Хоренскаго о легендарномъ Тигранѣ Арташесѣ и Артаваздѣ, г. Халатъянцъ пишетъ: «Такимъ образомъ, авторъ «Исторіи Арменіи» хотѣлъ установить искусственную циклизацію воображаемаго армянскаго эпоса вокругъ такихъ, по его мнѣнію, выдающихся личностей, какъ Тигранъ и Арташесъ».

Допустимъ, что тутъ имѣемъ дѣло съ какою-либо циклизаціею—и, конечно, искусственной—эпоса, развѣ мы тѣмъ самымъ получаемъ основаніе называть самый эпосъ воображаемымъ? Намъ кажется, нѣтъ.

На стр. 279—280 по поводу разсказа Хоренскаго (II, 49) о построеніи Арташесомъ города Арташата г. Халатъянцъ говоритъ:

«Всего какихъ-нибудь 4—5 строкъ, уже ничего эпическаго въ себѣ не заключающихъ», [а именно] «на мѣстѣ, гдѣ сливаются Араксъ и Мецаморъ, говоритъ Хоренскій, Арташесъ строить городъ и называетъ по своему имени Арташата. Араксъ снабжаетъ его сосновымъ лѣсомъ». «Вотъ и все!» восклицаетъ г. Халатъянцъ. Во-первыхъ, слова «снабжаетъ его сосновымъ лѣсомъ» поармянски гласятъ «*ձեռնառու լինի նմա և փայտիւք մայրից*» и эта фраза имѣется готовая уже въ *Книгѣ царствъ* (III, 9,11): «*Քիրաւ արքայ Տիրուի ձեռնառու էր Սողոմոնի (եղևափայտիւք) և փայտիւք մայրից*».

Но дѣло въ томъ, что эта фраза и вся цитата ²⁾ взята изъ той части

1) Повидимому, то же самое говоритъ г. Халатъянцъ самъ на стр. 199: «Отсюда, я думаю, ясно, что» и т. д. Но тѣмъ болѣе приходится сожалѣть, что эта безусловно вѣрная мысль не помѣшала ему за несостоятельность схоластическихъ толкованій Хоренскаго привлечь къ отвѣтственности армянскій эпосъ.

2) Изъ Хоренскаго не видно, что народные пѣвцы Арташеса, строителя Арташата, считали Арташесомъ Вторымъ, современникомъ Домиціана, Траяна и Адриана (87—117 гг.) (Гр. Хал., стр. 278—279).

49-ой главы (II кн. Хор.), въ которой завѣдомо рѣчи не можетъ быть о самомъ эпосѣ. Въ ней дается лишь толкованіе, аллегорическое толкованіе народнаго эпоса, какъ это ясно видно изъ слѣдующихъ предвѣщающихъ словъ самаго Хоренскаго. Разсказавъ кое-какъ народныя сказанія о народномъ героѣ Арташесѣ въ началѣ 49-ой главы, Хоренскій пишетъ — «Все это, какъ мы уже говорили, тебѣ извѣстно по пѣснямъ «випасановъ» (бардовъ, пѣвцовъ), но упомянемъ и мы вкратцѣ и оправдаемъ иносказательный смыслъ ихъ», и затѣмъ Хоренскій предлагаетъ оправданіе иносказательно понимаемыхъ имъ народныхъ пѣсенъ, т. е. свое искусственное толкованіе на основаніи исторій, извѣстныхъ ему изъ другихъ, книжныхъ, источниковъ.

Но г. Халатьянцъ все же настаиваетъ на своемъ, будто вся исторія о царѣ Арташесѣ Хоренскимъ выдается за прямое заимствование изъ армянскаго эпоса, и на стр. 243 опять таки заявляетъ, что «съ точки зрѣнія дѣйствительно эпическаго ея происхожденія и характера, она не выдерживаетъ критики».

Болѣе того, произвольно принимая часть того же книжнаго толкованія Хоренскаго касательно божествъ за часть, подлиннаго-де по словамъ Хоренскаго, эпоса, г. Халатьянцъ, понятно, открываетъ противорѣчіе и обличаетъ въ немъ опять таки Хоренскаго на стр. 281, гдѣ Х-цъ пишетъ — «Хоренскій впадаетъ въ странное противорѣчіе съ самимъ собою: выходитъ такъ, что армянскіе пѣвцы, пѣснями которыхъ «онъ, согласно его увѣренію, пользуется въ данномъ случаѣ, національныхъ своихъ боговъ называли чуждыми имъ, греческими именами!».

Хоренскій ничего подобнаго не увѣряетъ. Такъ могли увѣрять послѣдователи Эминовскій теоріи, съ ея зиждителемъ во главѣ.

На стр. 250 и слѣдующихъ г. Халатьянцъ подвергаетъ сомнѣнію существованіе въ глубокой древности рода Мурацанъ и доказываетъ себѣ, что этого рода не было въ древности. Положимъ. Но такъ какъ въ своей Исторіи Хоренскій разсказываетъ о враждѣ Артавазда въ Аргаму Мурацану, то г. Халатьянцъ на стр. 251 сомнѣвается «въ достоверности Моисеева разсказа» о несуществовавшемъ въ глубокой древности княжескомъ родѣ Мурацанѣ. Это — по крайней мѣрѣ понятно, но г. Х-цъ тутъ же за разъ сомнѣвается «и въ подлинности приводимой историкомъ народной пѣсни», хотя въ этой пѣсни рѣчи нѣтъ о Мурацанахъ, хотя Аргамъ Мурацанъ упоминается лишь въ толкованіи Хоренскаго, а не въ самихъ пѣсняхъ.

Резюме по этому вопросу на стр. 262 заслуживаетъ прочтенія, какъ характеризующій діалектическіе приемы ученаго въ настоящемъ изслѣдованіи:

«Резюмируя все сказанное о княжествѣ Мурацанъ, мы видимъ, что «существованіе его въ Арменіи въ столь отдаленную эпоху, а равно и «приписываемая ему первенствующая роль въ государствѣ болѣе, чѣмъ «сомнительны. Если это заключеніе не безъосновательно, тогда и повода

«не могло быть къ борьбѣ царевича Артавазда противъ князя Мурацанъ, «Аргамы, изъ-за почетнаго званія «второго по царѣ», а слѣдовательно и «аллегорическое представленіе этой борьбы въ видѣ романическаго «мотива страстной любви царицы Сатиникъ къ Аргаму, почерпнутаго, «будто, изъ народнаго армянскаго эпоса, нужно признать за фикцію».

Т. е. г. Халатьянцъ опять результаты своего изслѣдованія, касающіеся толкованія Хоренскаго — его книжной исторіи, распространяетъ на народный эпосъ, извѣстный намъ по нѣсколькимъ стихамъ.

Двѣ главы второй книги — 52-ую и 53-ю Хоренскій посвящаетъ «доблестному Смбату». Начинаетъ онъ исторію этого героя словами:

«Пріятно мнѣ повѣствовать и о доблестномъ мужѣ Смбатѣ, такъ какъ «то, что о немъ рассказывается въ сказкѣ ¹⁾, въ самомъ дѣлѣ неособоенно удаляется отъ истины».

Въ дальнѣйшемъ Хоренскій, очевидно, рассказываетъ не сказку, а истину, дѣйствительность минувшихъ дней, понятно, такъ, какъ онъ ее понималъ на основаніи ли схоластическаго толкованія неизвѣстной намъ сказки, въ данномъ случаѣ даже вовсе не сообщаемой, или на основаніи книжныхъ источниковъ.

Между тѣмъ основную часть цитованнаго нами мѣста г. Х-цъ на стр. 270 переводитъ такъ, какъ будто, судя по Хоренскому, въ дальнѣйшемъ мы имѣемъ подлинныя слова эпоса. Вотъ переводъ г. Х-ца — «И, «дѣйствительно, эпосъ немного удаляется отъ истины, говоря: *размѣры* «его членовъ соотвѣтствовали его *храбрости*» и т. д. ²⁾.

Послѣ этого изъ книжной исторіи Смбата въ двухъ главахъ (52 и 53), завѣдомо не представляющей эпоса, г. Халатьянцъ выбираетъ восемь строкъ изъ начала 52-й главы, и указавъ въ нихъ стилистическія заимствованія — по нѣскольку словъ изъ II-ой книги Маккавеевъ (VI гл., 18—19, 23—24, 27—28) и изъ книги *Притчи* Соломона (XXII, 29) и одно слово изъ Ананіи Ширакского ³⁾, г. Х-цъ на стр. 271 увѣряетъ, что «все выдаваемое здѣсь [т. е. въ восьми строкахъ 52 гл. II кн. Хоренскаго] за эпосъ» буквально найдено имъ въ Библии и «въ другомъ книжномъ источникѣ, не имѣющемъ, однако, ничего общаго съ эпосомъ».

Но на самомъ дѣлѣ тутъ и безъ того рѣчи нѣтъ объ эпосѣ.

Иногда Хоренскій довольствуется лишь своимъ толкованіемъ народныхъ сказаній, а самого текста и не приводитъ. Для современниковъ, знавшихъ эти пѣсни изъ жизни, это молчаніе было безразлично, но мы въ значительной степени лишены возможности судить, удалось ли Хо-

1) *ըստ անասանի իմ և տա հաճա միջոց: Եւս փոքի արդարեւ ըստ անասանի իմ և տա հաճա միջոց: Եւս փոքի արդարեւ ըստ անասանի իմ և տա հաճա միջոց:*

2) Это изъ второго, по существу столь же неточнаго, перевода Эмина, въ которомъ однако вм. «эпоса» г. Х-ца стоитъ «легенда», а дѣепрічастіе «говоря», отсутствующее въ армянскомъ текстѣ, поставлено въ скобки: «И, дѣйствительно, легенда немного удаляется отъ истины, (говоря)» и т. д.

3) Указаніе на Ананію Ширакского (стр. 271—272) мало убѣдительно.

ренскому искусственнымъ толкованіемъ пѣсенъ и сказокъ обогатить свою связную исторію какими либо новыми эпизодами, или онъ довольствуется совпадениемъ именъ народныхъ сказаній и своей книжной исторіи, когда онъ ссылается на армянскій эпосъ, какъ на оправдательный документъ. Что Хоренскій не былъ очень требователенъ въ этомъ отношеніи, видно между прочимъ изъ слѣдующаго случая.

Разсказавъ о войнѣ императора Домиціана съ Арташесомъ, Хоренскій вспоминаетъ изъ народныхъ пѣсенъ имя Дометъ, и повидимому еще борьбу съ этимъ Дометомъ Арташеса, и говоритъ (II, 54):

«Нашу (*դաշու* букв. *эту*) исторію и желаютъ воспѣть въ сказкахъ («пѣвцы»), когда сказываютъ о прибытіи какого-то Домета, который есть «самъ императоръ Домиціанъ» (*Գոմիտիանոս*); однако онъ не приходилъ «сюда (въ Арменію), но («пѣвцы») аллегорически (*սյլարաներով*) его приказаніе и его войска называли его именемъ».

Если Хоренскій сочинялъ бы самъ «народный эпосъ» въ качествѣ оправдательнаго документа, то онъ находилъ бы въ такомъ «эпосѣ» больше поддержки, и во всякомъ случаѣ имъ же сочиненный эпосъ не противорѣчилъ бы его же *Исторіи*.

Но вѣрный своему методу, г. Халатъянцъ и въ этотъ разъ за несостоятельностью аллегоріи, принадлежащей исключительно Хоренскому, и народную пѣснь о Дометѣ называетъ на стр. 305 «мнимой».

Иногда Хоренскій цитуетъ одно и то же народное произведеніе въ двухъ мѣстахъ, такъ какъ ему удастся двояко истолковать его. Такъ, кончивъ книжную исторію Тиграна и мидійскаго царя Аждахака, означающаго поперсидски *драконъ*, онъ ссылается на Гоѣтанскія пѣсни, такъ какъ въ нихъ упоминается о *Маракертѣ*, т. е. *Мидоградѣ* [или, по искусственной этимологіи, *Змѣеградѣ*, такъ какъ «мар» по персидски означаетъ *змѣя*], и *драконахъ* (I, 30), но тѣ же пѣсни, цитуемая къ сожалѣнію обрывочно въ нѣсколькихъ стихахъ, Хоренскій въ 49 гл. II кн. толкуетъ, какъ оправдательный документъ своей книжной исторіи царя Арташеса на томъ основаніи, что въ нихъ названы Арташесъ — Артаваздъ, Саѣнякъ и Аргаванъ, въ которомъ онъ признаетъ своего Аргама ¹⁾.

Но этотъ схоластическій пріемъ Хоренскаго г. Халатъянцъ на стр. 243 хочетъ объяснить желаніемъ историка «выставить на видъ пространнѣйшій объемъ армянскаго эпоса». Съ одной стороны, Хоренскій, представитель армянской аскетически строгой литературы, съ презрѣніемъ упоминающій о народныхъ пѣсняхъ, и, съ другой, желаніе выставить на видъ пространнѣйшій объемъ армянскаго эпоса, вѣдь это два взаимно исключаютельныхъ другъ друга явленія! Не только выставить на видъ, но даже сочинить съ успѣхомъ «пространнѣйшій объемъ армянскаго эпоса» сумѣли лишь новѣйшіе филологи, но все это пошло прахомъ, такъ какъ оно было основано на произвольномъ толкованіи текста.

1) *Այս Երգում է, որ յառաջնությունն Երգումանն անուանի* (II, 51).

Истолкование, «аллегория» заведомо, со словъ самого Хоренскаго, принадлежит ему—Хоренскому, между тѣмъ г. Халатьянцъ добрую часть своего труда посвящаетъ тому, чтобы доказать то, что не нуждается въ доказательствѣ. Г. Халатьянцъ постоянно выражается такъ, какъ будто Хоренскій аллегоріи приписывалъ народнымъ пѣвцамъ, но вотъ г. Халатьянцъ уличаетъ Хоренскаго. Такъ на стр. 247 доказавъ, что дважды два четыре, именно что армянскимъ пѣвцамъ не могло принадлежать аллегорическое толкованіе пѣсни объ Арташесѣ, г. Халатьянцъ заключаетъ:

«Ясно, что самъ Хоренскій имъ это приписываетъ: другими словами — «аллегорія», на которую такъ часто ссылается нашъ историкъ, «принадлежитъ ему самому» ¹⁾).

На стр. 245 Халатьянцъ пишетъ:

«По смыслу словъ Хоренскаго выходитъ такъ, чтовсякая аллегорія въ его Исторіи принадлежитъ народнымъ пѣвцамъ, которые, будто, «поэтизировали извѣстныя имъ и даже имъ современныя историческія событія по своему представленію».

Хочетъ ли этимъ сказать г. Халатьянцъ, что аллегорическое пониманіе народныхъ пѣсень, по мнѣнію Хоренскаго, принадлежитъ народнымъ пѣвцамъ?

Аллегорическое пониманіе есть школьное пріобрѣтеніе Хоренскаго; это достаточно выяснено. Но укажемъ еще на одно мѣсто (въ I, 30), гдѣ самъ Хоренскій съ гордостью говоритъ объ этомъ своемъ умѣніи:

«Не правда-ли, — пишетъ онъ Сааку Багратида — здѣсь ты не можешь вдоволь надивиться нашей правдивой исторіи, именно тому, какъ «мы истолковали сокровенный смыслъ разсказовъ о драконахъ, что на «свободномъ Масисѣ» ²⁾).

Вина, я скажу болѣе — преступленіе Хоренскаго не въ томъ, что онъ сочинялъ пѣсни, а въ томъ, что, гнушаясь народныхъ «мужицкихъ» (գեղարկ) языческихъ разсказовъ, довольствуется, и то въ рѣдкихъ случаяхъ, намеками на тѣ или другіе эпизоды и пространно излагаетъ самодѣльные, съ современной намъ точки зрѣнія «quasi-научныя», ихъ толкованія. Но въ этомъ преступленіи, т. е. въ замалчиваніи родного folklore'a повинна вся древне-армянская литература.

Есть еще другой путь, выбранный г. Халатьянцомъ, повидимому, для того, чтобы дать читателю желательное ему представленіе объ армянскомъ народномъ эпосѣ у Хоренскаго; этотъ путь состоитъ въ томъ, что г. Халатьянцъ относитъ въ область подлинныхъ эпическихъ сказаній или приписываетъ эпосу такіе отрывки, которые, и по заявленію самого Хоренскаго, не имѣютъ никакого отношенія къ эпосу.

1) Такое же по существу открытіе дѣлаетъ г. Х-цъ на стр. 305: «Для насъ важно отмѣтить, что не армянскіе пѣвцы» и т. д.

2) Եւ արդ ոչ առաւել աստիճանի զարմանցիս ի վերայ մերոյ ճշմարտագիտման [Թեանս, թէ որքան յայտնեցաք զանկալտ իրս վիշապաց, որք են յազատն ի վեր ի Կախիս.

На стр. 174 г. Халатьянцъ цитуетъ Хоренскаго (I, 26) въ такихъ словахъ: «Въ тѣ дни, говоритъ (Эпосъ), немалой опасностью угрожалъ Аждахаку, что изъ Мар'овъ, союзъ Кира съ Тиграномъ» и т. д.

Г. Халатьянцъ «говорящій эпосъ» заимствовалъ изъ Эмина, именно изъ второго перевода Эмина, исправленного согласно съ взглядами покойнаго армениста на роль эпоса въ *Исторіи* Хоренскаго. Въ прежнемъ переводѣ Эминъ не упоминалъ объ «Эпосѣ»¹⁾, и, главное, въ армянскомъ подлинникѣ рѣчи нѣтъ о «говорящемъ *Эпосѣ*».

Я вовсе не хочу сказать, что недостатки новаго Эминовскаго перевода г. Халатьянцу неизвѣстны; напротивъ, на стр. 338 подлежащаго труда г. Халатьянцъ пишетъ по поводу легенды объ Арцруни: «Отрывокъ этотъ, отличающійся сжатостью, свойственною тщательно выработанной прозѣ Моисея, привожу я не по новому, а по первому переводу «Исторіи Арменіи Н. Эмина (1858 г.), гдѣ въ передачѣ легендарныхъ разсказовъ на русскій языкъ нѣтъ еще со стороны ученаго переводчика «тенденціи подлаживаться подъ эпическія формы предполагаемой народной пѣсни».

Слѣдовательно, г. Халатьянцъ признаетъ, что новый переводъ Эмина не свободенъ отъ тенденціозныхъ вольностей, а между тѣмъ до послѣдней страницы передъ русскими читателями онъ критикуетъ Хоренскаго по этому именно новому русскому переводу²⁾.

На стр. 209 у г. Халатьянца читаемъ:

«Исторію этой эпохи, обнимающую главы отъ 37 до 67 второй книги, «Хоренскій черпалъ, по его словамъ, изъ «Храмовой исторіи жреца «Анійскаго храма, Улюпа», изъ народнаго «Армянскаго эпоса» и изъ «Персидскихъ книгъ».

Затѣмъ —

«Что касается эпохи послѣ Арташеса и его сыновей, т. е. отъ 67

1) Въ переводѣ Эмина 1858 года таже фраза читается: «Въ тѣ дни, говоритъ историкъ, не малою опасностію угрожалъ» и т. д.

2) Поучительно однако то, какъ г. Халатьянцъ зависитъ въ своихъ сужденіяхъ о переводѣ Эмина отъ мимолетнаго теоретическаго настроенія; 24 апрѣля 1893 года онъ самъ въ предисловіи посмертнаго изданія новаго перевода Эмина писалъ, стр. VI:

«Въ отличіе отъ перваго изданія той же Исторіи, вышедшаго въ 1858 г...., настоящій переводъ названъ новымъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, онъ представляетъ совершенно новую обработку перваго перевода, а въ отношеніи *безукоризненной точности* [курс. ред.] и художественнаго воспроизведенія Отца армянской исторіи на русскомъ онъ выполненъ мастерски, превосходя, по нашему мнѣнію, существующіе до сихъ поръ переводы этого сочиненія на латинскомъ, французскомъ, итальянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ».

Нечего говорить, что г. Эминъ, подлаживавшійся подъ эпическія формы предполагаемой народной пѣсни въ томъ размѣрѣ, въ какомъ представляла ее Эминовская теорія, конечно, не могъ дать точнаго до безукоризненности перевода, какъ это ясно доказываетъ и самъ г. Халатьянцъ своимъ предпочтеніемъ перваго перевода Эмина тогда, когда ему нужно точно передать текстъ Хоренскаго.

«главы до 92-ой главы книги второй и всей третьей книги, — то она не имѣетъ прямого отношенія къ эпосу».

И такъ, судя по этимъ словамъ г. Халатьянца 30 главъ, начиная 37-ю и кончая 66-ю, имѣютъ прямое отношеніе къ эпосу.

Но сначала выяснимъ, въ какомъ смыслѣ употребляетъ Хоренскій слово *զրոյց* зроуѣ, безъ ближайшаго опредѣленія?

Слово это означаетъ у Хоренскаго вообще *разсказъ, исторію*, а не исключительно *народный разсказъ*. Когда Хоренскій употребляетъ его въ примѣненіи къ эпосу, то пишетъ (I, 6) *անգիր զրոյց* не писанный, т. е. *устный разсказъ*, допуская слѣдовательно и существованіе *писаннаго или книжнаго զրոյց*'а.

Что безъ ближайшаго опредѣленія *զրոյց* у Хоренскаго обыкновенно означаетъ книжную *исторію, разсказъ* ¹⁾, видно изъ слѣдующихъ случаевъ: въ I, 3 Хоренскій, упоминая о документахъ касательно княжескихъ, частныхъ и общихъ, тяжёбъ по наслѣдованію, называетъ эти документы *անբաւ զրուցաց ծառեանք* книжи *безконечныхъ разсказовъ*, а не *народныхъ сказокъ*; въ II, 74, упомянувъ объ отцѣ Григорія Просвѣтителя, Хоренскій говоритъ: *զմեացեալսն ի զրուցացս ևսուցանէ քեզ Ագաթանգեղոս* остальные *разсказы повѣствуетъ тебѣ Агаѳангелъ*, разсказы же Агаѳангела никакъ нельзя назвать *народнымъ эпосомъ* ²⁾.

Отъ *զրոյց* въ смыслѣ *исторіи* Хоренскій образуетъ *զրուցարան* *историкъ*, синонимъ *սատմարան*'а: въ I, 2 *Յուսեան զրուցարան* онъ называетъ *греческихъ историковъ*, а не *греческихъ народныхъ поэтовъ*.

Слѣдовательно, во фразѣ Хоренскаго (II, 37) *ուրիշ զրոյցք յաղագս նորա սյուսէս* содержатъ *разсказы о немъ (Еровандѣ) слѣдующее*, подъ разсказами мы не имѣемъ никакого основанія подразумѣвать *народныя сказанія*, между тѣмъ г. Халатьянецъ пишетъ (стр. 213), будто «историкъ нашъ увѣряетъ, что подробности эти [т. е. 37 главы] онъ черпаетъ изъ армянскихъ сказокъ». На стр. 285—286 самъ г. Халатьянецъ допускаетъ, что 60-ую главу Хоренскій передаетъ со словъ Аристона изъ Пеллы. Дѣйствительно, 60-ую главу Хоренскій цѣликомъ возводитъ если не непосредственно къ Аристону, то во всякомъ случаѣ къ книжному источнику, и эта глава къ эпосу не имѣетъ никакого отношенія.

67-я глава II кн. Хоренскаго посвящена Агаѳангелу, именно тому, какъ этотъ историкъ, по мнѣнію Хоренскаго, лакониченъ въ исторіи Хосроя и сородичей. Эта глава къ эпосу не имѣетъ никакого отношенія, какъ признаетъ и г. Х.—цѣ.

1) Въ II, 8 мы имѣемъ *զրոյցք* въ смыслѣ «сказки эти», такъ какъ здѣсь (II, 8) изъ другихъ словъ видно, что рѣчь о народномъ эпосѣ; id. II, 74.

2) Въ смыслѣ *книжной исторіи, разсказа* употребляетъ это слово Хоренскій и въ другихъ случаяхъ, такъ напр. I, 9.

Шестидесятъ шестую главу Хоренскій цѣликомъ посвящаетъ Бардеѣану Едесскому, который будто бы между прочимъ составилъ *Исторію Арменіи*. «Изъ этой исторіи мы заимствовали и повторили» (*առեալ երկրորդեցաք*), пишетъ Хоренскій въ концѣ той же главы: «отъ царствованія Артавазда до главы (*արձանն*)¹⁾ о Хосроѣ»; слѣдовательно, главы 61, 62, 63, 64 и 65 составлены на основаніи книжнаго источника, апокрифическаго или достовѣрнаго, это вопросъ другой, который впрочемъ не перестаетъ быть открытымъ вопросомъ и послѣ заявленія г. Халатьянца на стр. 296, что онъ всю эту исторію съ Бардеѣаномъ считаетъ «намѣренно» придуманною.

И такъ изъ названныхъ г. Халатьянцемъ главъ подлежатъ исключенію восемь (37, 60—66), не имѣющихъ никакого отношенія къ эпосу.

Но и въ отношеніи оставшихся 22-хъ главъ (отъ 38-й до 59-й) говорить ли Хоренскій, что онѣ²⁾ составлены на основаніи народнаго армянскаго эпоса?

Нисколько.

Говорить ли гдѣ-либо Хоренскій, что 46 гл. II книги написана имъ на основаніи народнаго эпоса?

Нѣтъ.

Между тѣмъ, указавъ на мнимые или подлинныя книжныя источники Хоренскаго въ этой 46-й главѣ, г. Халатьянецъ на стр. 231 пишетъ: «важно то, что заимствуя у греческаго писателя цѣлыя отрывки, относящіеся совершенно къ другой эпохѣ и другимъ лицамъ, Моисей приравниваетъ ихъ къ Арменіи, выдавая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ за эпизоды армянскаго народнаго эпоса!»

Правда, въ 48 гл. II кн. Хоренскій пишетъ³⁾:

<i>Եւ զայս մեզ ասուցապէս պատմէ Ռդիւպ քուրմ Հանոյ, զորդ մհհնական պատմութեանց, և զայլ բազում գործս, զոր ասել կայ մեզ առաջի, որում և պարսից մատեանքն վկայեն և հայոց երգք վիպասանաց:</i>	[Все] это доподлинно намъ рассказываетъ Улюпъ, жрецъ hАни, авторъ <i>Исторій каппицъ</i> [или <i>Храмовой исторіи</i>]; онъ же [повѣствуетъ] и о многихъ другихъ дѣлахъ, которые разсказать предстоитъ въ дальнѣйшемъ. Это же подтверждаютъ персидскія книги и пѣсни армянскихъ пѣвцовъ.
---	---

Хоренскій говоритъ лишь то, что его исторію, основанную на книжномъ источникѣ, подтверждаютъ между прочимъ пѣвцы, но мы видѣли, что значитъ въ устахъ Хоренскаго такое подтвержденіе.

1) Въ переводѣ опущено слово *արձան*, но само мѣсто это г. Халатьянецъ цитуетъ на стр. 286.

2) О главахъ 49, 50 и 53 см. выше, стр. 255, и ниже, стр. 263.

3) Переводъ этого мѣста у г. Халатьянца, стр. 285.

Г. Халатьянцъ впрочемъ подтвержденіе книжной исторіи схоластическимъ толкованіемъ эпоса хочетъ понять такъ, какъ будто, по Хоренскому, народныя пѣсни въ самомъ дѣлѣ представляли изъ себя историческіе анналы, и сообразно съ такимъ взглядомъ на стр. 281 г. Халатьянцъ, выясняя по своему вопросу о существованіи *Храмовой исторіи* Улюпа¹⁾ и другихъ однородныхъ источниковъ, утверждаетъ, будто эти источники, по словамъ Хоренскаго, «не чужды... армянскаго эпоса». Этого безусловно нигдѣ нѣтъ! Это—вымыселъ, измышленіе, несмягчаемое нисколько ограниченіемъ, тутъ же выраженнымъ въ связи съ подлинными словами Хоренскаго.

Доказавъ себѣ несостоятельность сообщеній Хоренскаго касательно языческой религіи армянъ, г. Халатьянцъ на стр. 299 опять заявляетъ, что «выдаваемое Хоренскимъ за заимствованія изъ такъ называемой *«Храмовой исторіи»* Улюпа и подобныхъ источниковъ, имѣвшихъ, якобы «связь и съ народнымъ армянскимъ эпосомъ» и т. д.

Для насъ тутъ интересно опять произвольное притягиваніе эпоса къ дѣлу: г. Халатьянцъ этимъ способомъ, повидимому, хочетъ отъ времени до времени напоминать, что онъ не забылъ про армянскій эпосъ у Хоренскаго, избранный предметъ его изслѣдованія.

Относительно 53 гл. II книги г. Х-цъ самъ признаетъ на стр. 249, что «изъ изложенія Хоренскаго не видно, откуда онъ черпаетъ свой «разсказъ, изъ эпоса ли, или изъ другихъ источниковъ», слѣдовательно, нечего и намъ привлекать эту главу къ эпосу.

Я думаю, достаточно

Конечно, г. Халатьянцъ касается со вниманіемъ и того армянскаго эпоса, который цитуетъ самъ Хоренскій, народное происхожденіе которыхъ удостовѣряетъ самъ историкъ. Приѣмъ у Хоренскаго при ссылкѣ на армянскій эпосъ двойкій: или онъ сообщаетъ вкратцѣ, что про такое то лицо имѣются пѣсни, или при этомъ онъ приводитъ образчики отъ двухъ до десяти стиховъ.

Со страницы 246 г. Халатьянцъ подвергаетъ критикѣ отрывокъ пѣсни объ Арташесѣ, но безъ критики текста, хотя самъ г. Х-цъ не можетъ «согласиться съ тѣмъ, чтобы мы имѣли передъ собою подлинныя слова пѣсни» (стр. 246). Не очевидно-ли, что прежде чѣмъ осуждать армянскій народный эпосъ, надлежало разобраться въ текстѣ Хоренскаго, есть ли что въ послѣднемъ подлинно народнаго и, если есть, то что восходитъ къ народнымъ пѣвцамъ и что къ Хоренскому? Но послѣднее за критикомъ.

Въ пѣснѣ объ Арташесѣ упоминается «арканъ», и въ г. Халатьянцѣ (стр. 247) сейчасъ «возбуждаетъ подозрѣніе Іосифовъ разсказъ, «въ которомъ, помимо многихъ другихъ сходныхъ мотивовъ²⁾ съ Моисе-

1) См. еще касательно Улюпа, стр. 295.

2) Не безъинтересно взглянуть на страницы *Изслѣдованія* (244—245), гдѣ трактуется объ этихъ «другихъ сходныхъ мотивахъ». Вслѣдъ за бр. Вистонами и

«выимъ повѣствованіемъ, *арканъ* играетъ такую же роль, какъ и въ эпизодѣ Арташеса. По этому, заимствованія Хоренскимъ, а не эпосомъ «этого мотива объ *арканъ*, по мнѣ, едва ли подлежатъ сомнѣнію».

Арканъ у воинственныхъ племенъ всегда служилъ для ловли живой добычи—звѣрей или людей. «Мотивъ объ арканѣ», какъ г. Халатьянцъ изысканно называетъ прямое назначеніе аркана, по армянской народной пѣснѣ, тяготѣетъ для объясненія не къ *Иудейскимъ древностямъ* Іосифа Флавія, а къ иранскому эпосу, въ которомъ арканъ (شست или کیندل) служить обычнымъ оружіемъ національныхъ героевъ.

Еще Геродотъ (VII, 85) упоминаетъ о томъ, что арканъ былъ обычнымъ оружіемъ у иранскаго племени Сагартіевъ.

Но г. Халатьянцъ находитъ еще другой такого же характера источникъ народной армянской пѣсни, представленной у Хоренскаго всего на всего въ нѣсколькихъ стихахъ. Указаніе на этотъ источникъ составляетъ одну изъ цѣнныхъ страницъ диссертациі г. Халатьянца, хотя толкованіе самому факту, мы думаемъ, можетъ быть дано различное. Дѣло касается совпаденія нѣкоторыхъ мотивовъ книжной исторіи Арташеса по Хоренскому съ мотивами библейской книги Есѣирь. Но основанная на этихъ совпаденіяхъ непосредственная зависимость Хоренскаго отъ армянскаго перевода *Библии*, если этотъ выводъ и окажется вѣрнымъ, не касается нисколько армянскаго народнаго эпоса, разъ этого эпоса не будемъ смѣшивать произвольно съ *Исторією* Хоренскаго,

Гарагашяномъ, и г. Халатьянцъ признаетъ связь между 50 главою II кн. Хоренскаго касательно Арташеса и между рассказомъ Іосифа Флавія о Тиридатѣ. Мы уже не говоримъ о томъ, что, оспаривая Хоренскаго въ этой части, г. Халатьянцъ по недоразумѣнію предполагалъ, что касается армянскаго эпоса у Хоренскаго. Но г. Халатьянцъ утверждаетъ, что Хоренскій въ этомъ мѣстѣ зависитъ отъ Іосифа Флавія; весьма возможно, что онъ правъ; но мотивировка его настолько же мало убѣдительна, насколько характерна для приемовъ нашего изслѣдователя въ настоящей работѣ. Такъ на стр. 245 онъ пишетъ:

«Вмѣсто Іосифова Тиридата, Моисей [Хоренскій] выводитъ здѣсь [т. е. въ «критикуемой главѣ»] армянскаго царя Арташеса и видоизмѣняетъ самый рассказъ «о войнѣ съ аланами до неузнаваемости».

И такъ изслѣдователь находитъ возможнымъ отождествить рассказы, по его же мнѣнію, различные «до неузнаваемости», и это потому, что онъ все же открываетъ рядъ «одинаковыхъ мотивовъ въ повѣствованіяхъ Іосифа и Хоренскаго», именно—

а) у нихъ, у обоихъ, *аланы производятъ нашествіе на Арменію, съ цѣлью грабежа*,
 б) и тутъ, и тамъ говорится объ *отступленіи*, по еврейской исторіи—мидійскаго царя Пакора, по Моисею—царя алановъ,

с) у обоихъ историковъ упоминается о *захватѣ въ плѣнъ*, у Іосифа—мидійской царицы, у Хоренскаго—аланскаго царевича,

д) въ обоихъ случаяхъ *уплачивается большой выкупъ*, въ Іосифовой исторіи за плѣнную Мидійскую царицу, въ Моисеевой—за аланскую царевну,

е) наконецъ, и тутъ, и тамъ не маловажное значеніе имѣетъ *арканъ*, тотъ *арканъ*, о которомъ рѣчь у насъ въ текстѣ. Да, дѣйствительно сходные мотивы—насколько же сходные, насколько, по всей вѣроятности, Моисей Хоренскій походилъ наружностью на Іосифа Флавія.

основанною на книжныхъ, въ значительной степени неизвѣстныхъ намъ, источникахъ и еще, какъ мы не разъ указывали, на искусственномъ толкованіи эпоса, извѣстнаго намъ лишь по жалкимъ обрывкамъ. Изъ указываемыхъ г. Халатьянцемъ совпадений для армянскаго народнаго эпоса, извѣстнаго намъ лишь по нѣсколькимъ стихамъ, имѣли бы значеніе два сопоставленія, если бы не было призрачно въ обоихъ случаяхъ подобіе, усматриваемое г. Халатьянцемъ:

Во первыхъ, то (стр. 267 d), что *подобно* тому, какъ персидскій царь «простираетъ золотой скипетръ къ Есеири, которая, поднявшись съ мѣста, «уходитъ въ опочивальню» (սեփեալ), и въ народной пѣсни Хоренскаго «армянскій царь метнулъ¹⁾ арканъ съ золотымъ кольцомъ, «которымъ тотъ, обхвативъ станъ аланской царевны, увозитъ ее въ свою «ставку». Но гдѣ тутъ подобіе?!

Во вторыхъ, по догадкѣ г. Халатьянца (стр. 268—269), Сатеникъ, имя героини народной пѣсни, должно считать заимствованіемъ изъ книги *Есеиръ*, такъ какъ это имя кажется видоизмѣненіемъ библейскаго имени Астинъ, но такая догадка при отсутствіи иного основанія ничего не доказываетъ; иначе легко было бы доказать, что имя популярнаго въ Арменіи божества «Анаидъ» (класс. Anait) есть видоизмѣненіе имени богини «Діана», прочитаннаго съ конца.

Имя «Сатеникъ» г. Халатьянцу кажется выдумкою хитраго историка конца VIII-го и начала IX-го в., измѣненіемъ библейскаго имени Астине; но къ какому времени г. Халатьянецъ относитъ *Житіе святыхъ Сукіаса и его учениковъ*? *Житіе* же это начинается такъ: «Герои (հաջառախ), «послѣдовавшіе за госпожею Сатеникъ изъ аланскаго двора въ Арменію» и т. д. Католикосъ Іоаннъ обстоятельно и съ нѣкоторыми новыми подробностями приводитъ (стр. 22—23) то же самое мѣсто. Слѣдовательно, *Житіе*, по г. Халатьянцу, можетъ быть написано въ промежуткѣ между концомъ VIII и концомъ IX-го вѣка. Но дѣло въ томъ, что задолго до этого момента предполагается разъединеніе армянской и грузинской церкви. Между тѣмъ на грузинскомъ языкѣ существуетъ древній переводъ этого же *Житія*²⁾: появленіе армянскихъ святыхъ у грузинъ относится къ тому времени, когда армяне и грузины, а также исчезнувшіе албанцы составляли одну церковь. Затѣмъ извѣстно, что существуетъ въ армянской литературѣ отдѣльное сказаніе объ Арташесѣ и аланской царевнѣ. Указаніе на это сказаніе имѣется у историка прошлаго столѣтія, отца Чамчяна (I, стр. 341 и сл.). Сказаніе это имѣется въ Ճառքի գիրքի. Въ этомъ сказаніи оказываются подробности, которыхъ нѣтъ у Хоренскаго.

1) Հախլ. значитъ *бросать* въ средневѣковомъ армянскомъ и новомъ, а въ классическомъ—только *тянуть*, въ какомъ смыслѣ употребленъ этотъ глаголъ и въ стихѣ изъ народной пѣсни: Հախլ. (նոյախլ) զաղէաւ շիւղափոկ ցարափն ընկէց (бросилъ).

2) А. Цагарели, Свѣдѣнія, Вып. I, 1886, стр. 5 (груз. текста), № 38.

Хоренскій, повидимому, лишь сокращаетъ готовое сказаніе, сложившееся или сочиненное до него, и изслѣдователю Хоренскаго слѣдовало бы считаться съ этимъ сказаніемъ.

Между прочимъ по этому сказанію аланскій царевичъ носить имя **Սարէն** *saṛēn*, образованное по обычному типу древне-армянскихъ мужскихъ именъ на **էն**, какъ то **Փառէն** (Фаустъ, Вен. изд., стр. 44), **Շահէն** (ор. с., стр. 29), **Կիշէն** (ib., 106), **Վրէն** (ib.), **Լաշէն** (Лаз. П., 222 и др.), **Սողէն** (ib., стр. 467), **Բարէն** (ib., 255), **Խորէն** (ib., стр. 125), **Վաղգէն** (ib., 358), **Վրէն** (ib., стр. 126 и т. д.).

Въ женскомъ имени аланской царевны имѣемъ ту же форму съ ласкательнымъ окончаніемъ **իկ**: **Սարենիկ** (вульг. **Սարինիկ**, ср. Г. Халатьянцъ, стр. 269 ¹⁾), и библейское Астине тутъ ни при чемъ ²⁾.

Изъ указываемыхъ г. Халатьянцемъ параллелей къ отдѣльнымъ выраженіямъ въ пѣснѣ о Ваагнѣ имѣетъ для насъ значеніе лишь стихи изъ книги Іова (41, 8—13), I кн. Царств. (17, 42) и Откровенія (11, 2, 17; 21, 11—13 и 10, 2): въ этихъ книгахъ также употреблены слова **խարտեաշ պատեալ** *блгокурый отрокъ*, **բոց** *пламя*, **ծուխ** *дымъ*, глаголъ **ելանել** *выходитъ* съ предлогомъ **ընդ** и **աչք** *глаза*, да еще при изображеніи грознаго, величаваго божества у Іова упоминается о пламенникахъ, исходящихъ изъ пасти, и о дымѣ, выходящемъ изъ ноздрей!

Въ подлинномъ еврейскомъ текстѣ одинъ цитуемый г. Халатьянцемъ стихъ Іова (41, 12) буквально можетъ быть такъ переведенъ, что онъ будетъ стоять, пожалуй, еще ближе къ фразѣ Хоренскаго—«по отверстію тростника выходилъ дымъ», именно цитованный стихъ Іова можно перевести такъ:

«Изъ ноздрей его выходитъ дымъ, точно это пылающее горнило и точно это тростникъ ³⁾» Но все же нѣтъ возможности установить непосредственную связь по содержанію между этимъ и другими стихами ⁴⁾ Библии съ одной стороны и пѣснею о Ваагнѣ, въ извлеченіи приведенной у Хоренскаго, съ другой ⁵⁾.

1) Не имѣетъ ли это имя общую основу (*saṛ*=*سات*) съ персидскимъ словомъ *ساتگین* или *ساتگی*, означающимъ *любимый*?

2) Можно впрочемъ указать на то, что имя *Astīnā* носить персидская царица, жена Шапура II, но по роману *Julianos der Abtrünnige* (сир. текстъ изд. Нойфман, стр. 216 и сл.), и тутъ заимствованіе имени изъ Библии вѣроятно.

3) *תִּרְמָס* обыкновенно значитъ *тростникъ*.

4) Армянскій этнографъ Ер. Лалаянъ и о. І. Дашянъ ту же пѣснь сличаютъ со стихами въ *Исходъ* (*Սղաղրազան Հանդես*, Шуша, 1895/6, I, стр. 22—23).

5) Если же признать не случайной общность отдѣльныхъ штриховъ, то объясненіе ея, по нашему, останется внѣ компетенціи современной филологической науки, признающей армянъ въ корнѣ чуждыми семитическому міру. Во всякомъ случаѣ ни Хоренскій, ни его книжные источники, ни даже арійскій слой Арменіи тогда не будутъ ни при чемъ.

«За подлинность четырехъ первыхъ стиховъ [пѣсни о Ваагнѣ] говорятъ — пишетъ г. Х-цъ на стр. 207 — замѣчаемые въ нихъ правильный «ритмическій тактъ и 7-ми сложный размѣръ, которые въ остальныхъ «стихахъ той же пѣсни совершенно нарушаются, и мы имѣемъ строки, «состоящія то изъ 6-ти, то изъ 8-и и 9-и, то и изъ 10-и и 12-и слоговъ».

Но дѣло въ томъ, что нѣтъ никакого основанія предполагать, что въ остальныхъ строкахъ Хоренскаго мы имѣемъ дипломатическое воспроизведеніе подлиннаго текста народной пѣсни: процитовавъ нѣсколько стиховъ буквально, онъ потомъ напоминаетъ читателю на удачу отдѣльные мѣста. Г. Х-цъ включилъ (II ч., стр. 51) въ стихъ даже слова *սլա թէ*, которые принадлежать, по всей вѣроятности, Хоренскому, а не народнымъ пѣвцамъ: *սլա թէ* въ текстѣ Хоренскаго имѣетъ смыслъ *սլա [սո՞ւն լիցաւոր]* *թէ*, т. е. *потомъ еще [сказываютъ пѣвцы,] что...* Относительно критикуемыхъ г. Халатьянцемъ строкъ пѣсни вопросъ о размѣрѣ принадлежитъ совершенно иной постановкѣ, именно части какого размѣра можно усматривать въ этихъ случайныхъ обрывкахъ? При томъ нельзя упускать изъ виду, что Хоренскій кое-что, необходимое въ размѣрѣ, могъ и измѣнить въ своей прозаической *Исторіи*.

Взгляды г. Халатьянца на армянскую прозодію неопредѣленны:

«Я склоненъ, пишетъ г. Х-цъ на стр. 205,—видѣть въ ней [т. е. въ «пѣснѣ о рожденіи Ваагна] искусственно подобранные мотивы, пригнанные не всегда, впрочемъ, удачно, подъ *внѣшнюю форму поздней эпохи*» [курс. ред.].

Подъ внѣшнюю формою поздней эпохи г. Х-цъ называетъ (на стр. 207, прим. 1) семи- и восьми-сложные размѣры, примѣняемые между прочимъ и Григоріемъ Нарекскимъ (X в.). Но почему эти размѣры признаетъ г. Х-цъ излюбленными въ VIII и IX вѣкахъ? Почему признаетъ поздними? Есть ли у него данныя на то, что эти размѣры не могли быть извѣстны раньше въ Арменіи? У насъ есть фактъ совершенно обратнаго значенія.

Семисложный размѣръ могъ появиться въ Арменіи вмѣстѣ съ потокомъ иранской культуры и затѣмъ арменизоваться: на присутствіе семисложнаго размѣра въ иранскомъ указалъ еще въ 1886 году академикъ Залеманъ въ *Mittelpersische Studien* (стр. 248—249); для насъ особенно интересно то, что это семисложіе входитъ въ размѣръ (одиннадцатисложный), который употребителенъ, по замѣчанію академика Залемана, во всемъ Иранѣ въ качествѣ народнаго. Но допустимъ, что это не народный размѣръ—хотя для этого у насъ нѣтъ никакихъ основаній,—то позднимъ его во всякомъ случаѣ нельзя признать. Семисложными стихами¹⁾ писали лучшіе церковные писатели сирійцевъ (Ефремъ Сиринъ, Нарсесъ) если не раньше, то уже въ IV вѣкѣ, и, конечно, армяне могли

1) Восемисложные въ свою очередь представляютъ пару четырехсложныхъ стиховъ, обычнаго размѣра въ сирійскихъ мадрѣшахъ или гимнахъ.

усвоить спорные размѣры тогда же, если бы было дѣйствительно доказано, что они не были свойственны армянской народной поэзіи.

Впрочемъ въ своей теоріи г. Х-цъ самъ колеблется: на стр. 207—208 въ примѣчаніи самъ же пишетъ, что Нарекскій поэтъ размѣры восьми- и семи-сложный, народность которыхъ онъ подвергаетъ сомнѣнію, примѣняетъ въ тѣхъ немногихъ стихотвореніяхъ, «которые имѣютъ народный колоритъ¹⁾».

Изъ нашихъ замѣчаній достаточно ясно вытекаетъ, что армянскій эпосъ въ *Исторіи Арменіи* Моисея Хоренскаго въ трудѣ г. Халатъянца получилъ ложное освѣщеніе, и основанная на такомъ освѣщеніи критика источниковъ армянскаго историка, конечно, не могла увѣнчаться научно обоснованными прочными результатами. Но это лишь одна сторона дѣла. Книга г. Халатъянца въ арменовѣдѣніи представляетъ все же крупное явленіе, почему мы такъ долго и остановились на разборѣ ея тѣневой, на нашъ взглядъ, стороны: авторъ пока не успѣлъ обставить убѣдительными доводами свои взгляды, но за нимъ остается та заслуга, что онъ далъ чрезвычайно интересную и во многихъ отношеніяхъ поучительную работу.

Не специалистамъ едва ли извѣстно, что въ основѣ датированія историческихъ сочиненій армянской литературы до послѣдняго времени лежало удивительно наивное разсужденіе. Если данный памятникъ заключаетъ исторію пятого вѣка, то слѣдовательно, авторъ—пятого вѣка, если исторія касается седьмого вѣка, то значитъ, авторъ ея седьмого вѣка и т. д.

При такомъ способѣ датированія у армянъ оказывались историки четвертаго вѣка, тогда какъ армянское письмо изображается лишь въ началѣ пятого вѣка.

Правда, почти каждый историческій трудъ снабженъ предисловіемъ, но дѣло въ томъ, что или это предисловіе автора, имя котораго апокрифично, какъ напр. Агаѡангель, или въ предисловіи обѣщается то, чего не находимъ въ самомъ трудѣ, какъ напр. у Фауста, или авторъ знакомитъ насъ съ сюжетомъ и числомъ книгъ своего сочиненія, а въ сочиненіи оказывается цѣлая лишняя книга, какъ у Еѣише, или само предисловіе такъ перемѣшано, что нельзя разобрать гдѣ начало, гдѣ продолженіе и гдѣ окончаніе, и принадлежать ли всѣ части одному автору, какъ напр. у Лазаря Парпскаго и т. д. и т. д. Подобные недочеты и перехваты выясняютъ фактъ какого-то переворота, такъ или иначе задѣвшаго всѣ армянскіе историческіе труды, посвященные вопросамъ древней національной и церковной жизни. Причину этого всеобщаго переворота едва ли основательно видѣть въ случайномъ умыслѣ частнаго характера одного или нѣсколькихъ лицъ; болѣе вѣроятно, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ болѣе общимъ историко-литературнымъ явленіемъ съ остро-тенденціозною окраскою, вызваннымъ политическою и церковною

1) Здѣсь какъ будто г. Халатъянцъ подвергаетъ сомнѣнію древность, а не народность.

жизнью Арменіи, и сбивающимъ насъ въ изысканіяхъ, и безъ того трудныхъ за гибелью многихъ памятниковъ, а особенно за необслѣдованностью также многихъ рукописныхъ и нерукописныхъ матеріаловъ.

При такомъ положеніи дѣла древне-армянскіе историки являются какими-то сфинксами, а Моисей Хоренскій среди нихъ сфинксъ-колоссъ, ярко отражающій въ себѣ цѣлую эпоху армянской умственной жизни, наиболѣе національной, и потому обратившійся въ національнаго кумира. У армянъ давно пустилъ корни культъ Хоренскаго; о немъ, точно о миеическомъ лицѣ, сложились священныя преданія; *Исторія Арменіи* этого писателя для многихъ и теперь святыня, и въ обсужденіи памятника традиціонныя взгляды составляютъ отправную точку. Попытки поколебать установившійся авторитетъ дѣлались давно, и не безъ извѣстнаго успѣха, но попытки эти, принадлежавшія преимущественно не армянамъ, были направлены по существу противъ исторической достовѣрности сообщеній Хоренскаго, основывались на разсмотрѣніи одного или нѣсколькихъ эпизодовъ и исходили отъ лицъ, не вполне усвоившихъ языкъ оригинала или вовсе его не знавшихъ. Г. Халатьянцъ, въ совершенствѣ владѣющій древне-армянскимъ языкомъ и недавно еще проникнутый завѣтнымъ благоговѣніемъ къ «отцу армянской исторіи», рѣшился порвать съ дорогими ему традиціями и взялъ на себя трудъ всесторонне изслѣдовать памятникъ съ иной точки зрѣнія; если читатель не всегда согласится послѣдовать за нимъ, книга однако не преминетъ вселить въ немъ убѣжденіе, что традиціонному пониманію значенія Хоренскаго насталъ конецъ, что настoitъ потребность въ установленіи болѣе основательныхъ взглядовъ, и это уже большая заслуга; въ этомъ отношеніи книга имѣетъ значеніе главнымъ образомъ для не специалистовъ. Специалисты же съ удовольствіемъ найдутъ въ ней матеріалы для исторіи критическаго изученія Хоренскаго, рядъ новыхъ фактовъ историко-литературнаго значенія, часто извлеченныхъ изъ рукописей, не мало остроумныхъ сужденій о различныхъ мѣстахъ въ *Исторіи* Хоренскаго и удачныхъ сопоставленій съ другими памятниками, безукоризненно отдѣланную монографію объ Артаваздѣ и т. п. и, наконецъ, въ качествѣ оправдательныхъ документовъ, тщательное сличеніе параллельныхъ текстовъ во второй части труда, представляющей весьма желательное справочное пособіе. За все это специалисты скажутъ автору большое спасибо.

Н. Маррѣ.

Jean Paul Richter. *Quellenschriften für Kunstgeschichte und Kunsttechnik des Mittelalters und der Neuzeit.* Begründet von Rudolf Eitelberger von Edelberg, fortgesetzt von Albert Ilg. Neue Folge. VIII Band. Quellen für Byzantinische Kunstgeschichte. Ausgewählte Texte über die Kirchen, Klöster, Paläste, Staatsgebäude und andere Bauten von Konstantinopel. Wien, Graeser 1897. LIII + 433 стр. 8°.

Восьмой томъ изданія, полное заглавіе котораго выписано выше, по-